

ских энкаведюг, закрывших телами Андрея Андреевича, в архивах я не встречал.

Ложь утончённая требовала обоюдной одарённости. Разумеется ты не враг, уговаривали арестованного провокаторы высшей пробы, но для партии и НКВД нужны секретные работники в контрреволюционной среде. Чтобы знать обстановку. Надо помочь родной партии и товарищу Сталину. Подписываешь показания, мы разоблачаем троцкистов, а ты вроде как враг народа, остаёшься на секретной и важной работе в исправительно-трудовых лагерях. Начальство там будет про тебя знать. Не трусь, вернёшься с ордемом!

Кто не трусил и был склонен к авантюрам, ушёл на секретную партийную работу в раю. Только в мясной лавке чуток побыв в недоумении, почему же секретная операция развивается не совсем по плану. Вроде имитации расстрела там не предусматривалось.

По каждой из методик следственной провокации можно было привести наглядные документальные эскизы. Слава богу, садили у нас много и разнообразно. Но я решил выбрать один документальный сюжет, гранями деталей отражающий многое из сказанного. Итак, салат из показаний бывшего начальника дорожно-транспортного отдела (ДТО) НКВД Нижнего Тагила Трепина Петра, уроженца села Новая пристань Саткинского района Челябинской области. Работавшего с 1926 по 1938 год в органах НКВД, дослужившего до звания младшего лейтенанта госбезопасности и осуждённого трибуналом на 10 лет заключения.

В последних числах мая 1937 года из ДТО Свердловска поступили выписки из показаний на 17 человек - работников транспорта в Нижнем Тагиле. Через несколько дней была получена шифротелеграмма об аресте из этого числа восьми или девяти человек...

Среди арестованных нами лиц находились: инженер Фурмавнин, секретарь парткома ст. Смычка Щербаков, секретарь парткома ст. Тагил Михайлов, редактор многотиражки Тагильского отделения железной дороги Копылов, зам.начальника отделения

службы движения Боровой, зам. политотдела Нижне-Тагильского отделения дороги Калугин или Кулагин...

За период примерно месячного пребывания в Свердловской внутренней тюрьме из числа арестованных бывшему начальнику ДТО Алексееву, как начальнику следственной группы, удалось расколоть Борового и Кулагина (или Калугина), и всю группу арестованных, в том числе и сознавшихся, привезли в Нижний Тагил для окончания следствия силами работников отделения ДТО в Нижнем Тагиле...

Первым на допрос был вызван Щербаков... По прибытии на допрос Щербаков на вопрос, намерен ли он давать показания, заявил, что "если нужно для партии и для тов. Сталина, то я подпишу любые показания". Я ему задал вопрос, почему для партии и почему любые показания. Но Алексеев, моргнув мне, заявил, что я могу так сорвать допрос, и взял на себя инициативу допроса. Я отошёл в сторону.

Алексеев продиктовал Щербакову текст заявления, которое начиналось словами: "Прошу вызвать меня на допрос, что я продумал своё положение и искренне желаю рассказать о своей контрреволюционной деятельности". Отобрав такое заявление от Щербакова, Алексеев предупредил его, что завтра его вызовут и он должен в духе заявления написать собственноручные показания.

Из этого разговора и телефонного предупреждения Алексеева, что Калугина и Борового следует посадить к несознавшимся арестованным, для меня было совершенно ясно, что Калугин и Боровой являются провокаторами, что никто другой как они подговаривают арестованных для дачи признательных показаний под предлогом того, что это нужно для партии...

С их рассказов (Борового и Калугина) я понял, что Алексеев поставил их на преступный путь провокации. Они рассказывали, что, не являясь врагами Советского Союза и служа делу партии, они принимают на себя звание врага народа, призывают к этому других лиц из числа арестованных, поскольку это нужно в интересах партии и страны для разоблачения в на-

глядной форме враждебной деятельности троцкистов и что, как им разрешил Алексеев, возможно их осудят и отправят в лагерь, там они также будут проводить партийную работу...

При допросах Алексеев, а затем и я и другие работники отдела подсказывали арестованным что нужно писать. Обычно было так. Арестованный говорил: "Хоть я и не враг, но раз надо, что же, я буду писать о враждебной работе". Ему говорили - пиши, что, будучи членом контрреволюционной организации, выполнял преступные указания руководителя контрреволюционной организации на железной дороге Шахгильдяна, но чтобы его собственноручные показания были более правдоподобными.

От арестованных требовали указать, кто его завербовал, кого он завербовал, и, следуя логике вещей, они писали, что каждый из них был завербован вышестоящим начальником, а он вербовал равных себе по должности или же нижестоящих, а во главе всей организации мы требовали указывать Шахгильдяна, так как в то время он был арестован и что Шахгильдян и Кабаков являлись руководителями право-троцкистов на Урале, что они являются злейшими врагами народа, о чём всюду много говорили и писали в газетах... Арестованные Михайлов и инструктор по комсомолу не признали своей вины...

На всех арестованных были оформлены дела для передачи в Военную Коллегию. Причём Алексеев мне прислал из Свердловска арестованного Фурмавина, который сидел не менее года, был расколовшимся и избобличал всех, кого знал лично и кого не знал. По указанию Алексеева я провёл с Фурмавиным и другими арестованными очные ставки, на которых Фурмавин хладнокровно избобличал их в принадлежности к контрреволюционной организации правых на Свердловской железной дороге имени Кагановича... Эти признавшиеся в своих показаниях указали очень большое количество работников Тагильского узла.

Летом 1938 года Фурмавин и Сазонова отказались от своих показаний в письме, которое ими было послано в ЦК партии Сталину, и их затребовали в Мо-

ску... В Москве передопрос Фурмавина и Сазоновой производил начальник 6 отделения Главного транспортного управления НКВД СССР Касимов совместно со мной... При допросе Фурмавина я, как представитель по защите чести отдела ДТО, а также и Касимов примерно два дня его допрашивали, добиваясь подтверждения им показаний, которые он дал ранее, приводя ему доводы, что он показания дал добровольно. Несмотря на это Фурмавин стоял на своём, заявляя, что он оклеветал себя и клеветал на других. Он даже написал заявление, чтобы его судили как клеветника и провокатора, но руководство транспортного управления тогда нашло это нецелесообразным.

Сазонову Алексеев обманул, пообещав за клевету освободить...

Я с Касимовым посоветовался о том, что группа работников транспорта, арестованных и привлечённых в Нижнем Тагиле, также сидят в тюрьме и ждут своей участи по материалам, не внушающим доверия. Он, Касимов, посоветовал мне воздержаться, так как эти дела прошли через малую тройку и были доложены в Наркомате, что будет неприятность.

В связи с этим Касимов рассказал, что Алексеев и Корнэль в Свердловске полтора года уговаривали Шахгильдяна на допросах и в камере, но признательных показаний не добились и, чтобы выручить их, Шахгильдяна пришлось брать в Москву, так как сотни людей уже расстреляны, а руководитель организации не признался. Касимов сказал, что в Москве Шахгильдяна допрашивали с применением 3-й степени, но признательных показаний получить не удалось.

В чём выражалась "третья степень", конкретно я не знаю, но Касимов дословно сказал, что ему - Шахгильдяну - "все кости переломали". Касимов разговор заключил тем, что под суд Шахгильдяна отдать нельзя, так как его искалечили, и освободить нельзя, так как много людей расстреляли и что сейчас одна надежда, что он умрёт в тюрьме..."⁹⁵

Архивные следственные дела дают лишь намёк на широкое использование провокаторов и подсадных

уток. Обычно тонкости преступных методов дознания раскрывают бывшие сотрудники НКВД, дожившие до ветеранских седин. Кто в чинах и почёте, кто-то с лагерным прошлым. Некоторые из них были привлечены к выяснению обстоятельств в первую волну реабилитации. Попадались даже те, кто стучал и склонял арестованных к лжесвидетельствам. Вины своей они не чувствовали, да и никто их не пытался обвинять.

Тот же и.о. начальника Тагильского доротдела НКВД Трепин, показания которого выше цитировались, сопровождает таковые следующей просьбой. "Период моей службы в органах ОГПУ-НКВД, в период с 1926 по 1938 год, мне желательно чтобы как службу в армии приобщили к общему стажу работы, что связано с получением повышенной пенсии..."⁹⁶

Вот так! Чекистов охотно отправляли на персональные пенсии, как же - умаялись родимые в борьбе с собственным народом. В галереях ветеранов труда, украшающих учреждения МВД, прокуратуры, суда, других когда-то прислуживающих органов, частенько мелькают фамилии позавчерашних карателей и стукачей. Тагильского энкаведешника Трепина отдали под трибунал, свидетелем обвинения на нём выступал его начальник, каратель из карателей Алексеев.

По показаниям многих взятых за седалище чекистов в хорошем ходу камерной обработки были "каменные колуны". По-моему, это находка наша, уральская. Каждому крупному следователю - специалисту по троцкистам - давали двух-трёх расколовшихся на допросах вождей. Их прилично одевали, подкармливали и подсаживали к арестованным. Вождь-провокаатор, давя на подследственного авторитетом и орденами, склонял того к якобы полезной для дела партии лжи.

Арестованные кололись как берёзовые чурки в феврале, с треском. У помнача 4 отдела Свердловского УНКВД Мизраха лучшим колуном был бывший областной прокурор, знакомый нам по материалам книги, следователь Варшавский очень дорожил своим колуном, который до того был управляющим круп-

нейшего треста в металлургии Урала, у Боярского в подсобниках ходил заводделом обкома ВКП(б). Во второй половине тридцать восьмого, в связи с перестройкой работы органов НКВД, "каменных колунов" расстреляли заодно с самыми упрямыми арестантами.⁹⁷

По палачу и топор. Младшие следователи держали своих колунов. Последние не имели особых заслуг перед отечеством, основным достоинством их биографии был солидный стаж заключения и беспредельная жестокость. Оказавшись в такой камерной компании, жестокостями был испытываем и в перерывах между допросами.

Трудная оперативная работа нашла, в конце концов, оптимальный режим. Протоколы стали писать с собственного ума, то есть без участия обвиняемого. "Чего вы стесняетесь, - учил сотрудников начальник Тагильского доротдела НКВД Алексеев, - враг никогда не скажет о себе всего, нужно писать в протоколе не то, что говорит враг, а то, что он думает".

Следственная работа приняла исключительно творческий характер, где, как известно, конечный результат предопределён способностями ваятеля. Если таковых нет, учись на чужом опыте. Тот же лейтенант ГБ Трепин, к примеру, по первости накатал протокол допроса на арестованного Суворова. Из бумаги вышло, что вражина признаётся в контрдеятельности, но в обоснование её жуёт серые обыденные факты. Ни террора, ни впечатляющего вредительства. Показали творение лейтенанту ГБ Шарикову из Свердловского ОДТО. Тот, прочитав, задумчиво постучал пальцами по столу и обещал передать бумаги сотруднику Соломатину, слывшему гением протокольного жанра.

Когда документы пришли из Свердловска, лейтенант Трепин понял, что всевышний раздавал таланты с похмелья. В протоколах всё было чин-чинарём: и террор, и вредительство, и даже шпионаж. У обвиняемого уши отвисли от навороченной лжи и он отказался подписывать детектив. Трепин, однако, был человеком долга и дисциплинарную норму УНКВД - из камеры

не выходить, пока не подпишешь протокол допроса, - соблюдал ревностно. Суворова по лету расстреляли.

Вполне может быть, что сработало другое правило. Отпускать арестованных из-под следствия было страшным грехом. Все ползали перед НКВД на брюхе, героические чекисты, следовательно, ошибаться никак не могли. Да и сам арест моментально превращал гражданина в гада. Пусть назло оказался чистым, но как отпускать, если в родном коллективе сразу, в день ареста, его гневно осудили и единодушно проголосовали за расстрел.

И, наконец, самое главное. Подследственный кадр всегда был в большом дефиците. Это гуманным потомкам кажется, будто жертв было много. А когда захоластному горотделу НКВД столица предписывает отлавливать по полсотни троцкистов в день, каждый арестованный на вес золота. Засветло ловим, ночью сочиняем и подписываем протоколы. Потом приговоры и акты на заключительную операцию...

Арестовали, скажем в Тагиле 8 января 1938 года, сразу 80 человек. Сплошная морока до и после. Первая большая проблема - кого садить? Арестуй человек пять-шесть, наставлял сотрудников начальник Тагильского доротдела НКВД Алексеев, у каждого нормального человека есть до десятка знакомых. Хорошо побьёшь - вспомнит больше! Вот вам и террористическая группа. "Только в протоколе, - тут Алексеев дословно, - должна быть обязательно диверсия или террор... Нужно такие групповые дела из числа имеющих одиночек провести по всем службам..."

Заметную практическую помощь провинциалам оказывали шифровки по иноконтингенту. Предписывалось арестовывать всех без исключения поляков, греков, иранцев... Нетипичная морда в толпе сразу будировала пролетарскую бдительность. Правда, действовать надо было с умом. Взял лейтенант Трепин, к примеру, грека Киракиади. В протоколе допроса провёл его агентом греческой разведки. "Ты что, рехнулся?" - возопили в Свердловске. В самом деле, не хватало, чтобы ещё такая мразь завелась на Советском Урале, за такое голову могут снять. Приказали сделать

его английским агентом. Киракиади пошёл под вышку британской бандой, к тому времени где-то успели арестовать ещё четырёх греков.

Героические будни уральских чекистов тех лет в большинстве случаев оборвались не мажорно. В декабре тридцать седьмого "за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий" ЦИК СССР 10 чекистов наградил орденом Ленина, и 400 - орденами меньшего достоинства. Наши - начальник Свердловского УНКВД Дмитриев и начальник Челябинского УНКВД Чистов - лицом в грязь не ударили и получили по ордену Ленина. Вскоре Чистова откомандировали начальником Сталинского (Украина) УНКВД, что значительно удлинило жизненный путь нашего карателя.⁹⁷

Начальника Свердловского УНКВД Дмитриева-Плоткина приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР по статье 58-1а, 58-8, 58-11 расстреляли 7 марта 1939 года. Обвинением значится участие в контрреволюционной вредительской организации внутри НКВД. На допросах он чекистской стойкости не проявил, выдал следствию показания на карателей ближних и московских. Организации, разумеется, не было, но свой расстрел он заработал с лихвой. Не скажешь, что судьи руководствовались высшей справедливостью. Расправлялись с самыми азартными карателями.⁹⁹

Чистов убрался с Урала своевременно. Как он проявил себя на новом месте, я не скажу. 3 сентября 1941 года на Юго-Западном фронте близ города Конотопа немцами был взят в плен без сопротивления большевистский генерал-майор Павел Чистов. При нём оказались партбилет, орден Ленина, орден "Знак Почёта", мандат депутата Верховного Совета. Об этом факте даже сообщило имперское радио. Войну провёл в немецком концлагере.

Родная Советская власть вспомнила о нём 26 сентября 1946 года и немедленно арестовала. Да нет, не за десятки тысяч трупов, коими забиты старые шахты близ села Шершни, за плен. Приговором от 7 марта 1947 года он получил десять лет заключения по статье

58-16 и 58-11. На момент реабилитации его жертв (1956) справка констатирует, что Чистов Павел жив и находится в Магадане.¹⁰⁰

Главные подельщики карателей были осуждены в 1939-1941 годах на трибунале войск НКВД. Начальники отделов получили по вышке, рядовые трудового следственного фронта - по 8-10 лет. Под реабилитацию они не попадают, следовательно, и прочитать их дела нет возможности. В делах многочисленных жертв карателей есть выписки из обвинительных заключений, служащие скорее не источником информации, а попыткой нынешних большевиков отмазаться от преступлений своих идейных прародителей.

Свято место пусто не бывает. Взамен арестованных карателей прибыли чекисты с чистой, судя по представлениям, совестью и холодным умом. Если взглянуть сверху, зоркоглазых просто перемешали как костяшки домино перед очередной партией. Свердловской области повезло вдвойне, секретарём обкома ВКП(б) назначили Валухина. Бывший начальник Омского УНКВД - человек исключительно надёжный.

Перед отбытием на повышение он доложил прямо генеральному комиссару госбезопасности Ежову, что "операция по Вашему приказу 00447 закончена. Всего осуждено по первой категории 11 050 и по второй категории 5 004. Приведение приговора 50 человек, рассмотренных сверх утверждённого лимита по первой категории, задержано. Прошу утвердить".¹⁰¹

За выполнение планов по расстрелам (первая категория) и посадке на долгие года (вторая категория) Валухин тоже получил орден Ленина и сан депутата Верховного Совета СССР первого созыва от Тюменского избирательного округа. Ну и должность очередного вождя Свердловской области. Вернее и скромнее так - партийного руководителя. Вождь в стране остался один, холод расстрелов отвалил всех от высоких претензий.

А теперь коротко о первой волне реабилитации. Мероприятие это было внутривнутрипартийное. Реабилитировали только своих и по сугубому благу. Дело пору-

чили Комитету партийного контроля при ЦК КПСС. Можно догадаться, какую правду искали аппаратные кадры, каждый из которых прошёл полный курс партийного лицемерия. "За истекшее после XX съезда КПСС время, - цитирую фрагмент отчёта КПК за 1956-1961 годы, - реабилитированы в партийном отношении 30 954 коммуниста (многие посмертно). Среди них 3 693 бывших руководящих партийных и комсомольских работников, 4 148 руководящих работников советских органов, 6 165 хозяйственных работников, 4394 командира и политработника Советской Армии".¹⁰²

Блок беспартийных как-то не подсуетился. Но трагикомизм ситуации заключается не в том, что пропуск в рай получили только бывшие большевики. Восстановление партийной принадлежности, то есть реабилитация в партийном отношении, рассматривалось выше любого иного понимания справедливости и законности. Судьба человека как такового, а тем более выяснение обстоятельств его гибели и наказание виновных, выходили за рамки поставленных задач. Явные инициаторы большого террора и первые преступники ходили в вождях и членах, сидели в системе госбезопасности либо трясли седины почётных ветеранов. С точки зрения человеческой реабилитации, надо было врать, но врать с горечью в голосе и миной на лице.

С 1939 года приказом по НКВД предписывалось врать так. На запрос родственника о судьбе арестованного отвечать, что он был осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки и передач. В августе 1955 года с подачи ЦК КПСС КГБ СССР выдаёт директиву, приказывающую сообщать относительно расстрелянных, что они были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли во время отбывания срока заключения. Дата смерти определяется органами КГБ произвольно в пределах десятилетнего срока от ареста.

Предметом вымысла, разумеется, была и причина смерти. Местом смерти назывался адрес пребывания

до ареста. Гремучая смесь кощунства, дикой лжи и спиритуализма так и не взорвалась.

“С 1955 года с ведома инстанций (ЦК КПСС - А.Б.) и по согласованию с Прокуратурой СССР Комитетом госбезопасности было издано указание № 108сс органам КГБ, определяющее порядок рассмотрения заявлений граждан, интересующихся судьбой лиц, расстрелянных по решению несудебных органов (б. Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ-НКВД-УНКВД и Комиссией НКВД СССР и Прокурора СССР)”. Так начинается письмо председателя КГБ СССР Семичастного в ЦК КПСС от 26 декабря 1962 года. Установленный порядок лжи изложен выше.

“Представляется целесообразным, - продолжим чтение секретного письма, - впредь на запросы граждан о судьбе их родственников, осуждённых в несудебном порядке к расстрелу, устно сообщать действительные обстоятельства смерти этих лиц, а регистрацию в ЗАГС их смерти производить датой расстрела, без указания причины смерти, как это делает Военная Коллегия Верховного Суда СССР и военные трибуналы в отношении лиц, расстрелянных приговором судов”.¹⁰³

Истина восторжествовала, потому как ЦК КПСС предлагаемый вариант лжи утвердил. На запросы о судьбе репрессированных письменно надлежало врать по-старому - сердчишко, мол, у бедного подвело, не дотянул до освобождения. Не трогали и окаменевший слой прежней лжи, справки о вымышленной смерти реабилитированных, полученные до шестидесяти третьего, приказали считать правдой. Теперь на запрос отвечали содержательно и гордо: осуждён - расстрелян - реабилитирован - восстановлен в рядах партии (посмертно). В этом месте по протоколу следовало родственникам сочувственно посмотреть в глаза и по-большевистски крепко пожать руку.

Свет горькой полуправды даже материализовался. Семьи реабилитированных получили льготу. Вместо статуса ЖВН, ЧСВН, РВН (жёны, члены семьи и родственники врага народа) и прочих пятнающих атрибутов их приравнивали к семьям, потерявшим кор-

мильца при исполнении служебного долга или по причине трудовых увечий. Родственники тех, кто раскулачивал, ссылал, мордовал народ в котлованах и на лесосеках, успел ещё пересадить сотни соотечественников как вредителей, встали в очередь за пособием.

Потом восстала гордыня незаслуженно обиженных. Вот и сейчас от навороченности нашей истории голова кругом. Сидят рядом две репрессированные в прошлом старухи. Одна ссыльная, другая детдомовка. У одной отец кулак, у другой - партработник (но понятно - честный!). Первый умер в ссылке, второй расстрелян в тридцать восьмом.

Возьмём в руки недавно изданную книгу “1937-й на Урале”. Белоснежными соляными сталактитами окаменели в ней партийные слёзы по жертвам большого террора. Впечатление такое, будто мясные годы прошли по стране верховым палом. В числе оплакиваемых исключительно партийно-советско-чекистский кадр. Книга памяти о номенклатурно павших.

4 ноября 1954 года (раньше многих!) специальным заседанием Военной Коллегии Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления был реабилитирован чекист Нодев Освальд Яковлевич. “После полувекowego забвения, - сообщают авторы книги, - имя этого большевика-ленинца высечено на плите мемориала героям революции и гражданской войны”.¹⁰⁴

Бывший зам. председателя Псковской губчека был награждён именными золотыми часами с надписью: “За беспощадную борьбу с контрреволюцией от коллегии ВЧК. 20 декабря 1920 года”. Часы, разумеется, сняли с кого-то из классово враждебных. В 1927 году Нодев назначается замом полномочного представителя ОГПУ на Урале. С началом выселений он руководит отделом спецссылки карательного органа.

“Самое активное участие, - продолжим чтение, - Нодев принял в обеспечении строительства Магнитки, Уралмаша, Челябинской ТЭЦ, Челябинского тракторного завода, Березниковского химкомбината... Горячим партийным словом он воодушевлял рабочих...”¹⁰⁵

Действительно, сотни тысяч спецпереселенцев по директивам ОСП ПП ОГПУ на Урале скотом перебрасывались со стройки на стройку. С условиями их труда и быта мы хорошо знакомы. На костях репрессированных покоятся фундаменты гигантов индустрии. Вспомним про бытовую людомор взрослых и детей ссылки. Если выбить на мраморе тем же кеглем, что и имена святых палачей, фамилии замордованных на Урале соотечественников, памятных плит хватит замостить в Екатеринбурге весь проспект имени Ленина. И покрыть в тон центральную площадь "1905 года", где возвышается художественно исполненное чучело вождя, мрамором с фамилиями и многоточиями забытых покойных детей крестьянской ссылки.

Можно поверить в то, что каторжане вкалывали и мёрли вдохновляемые горячим партийным словом начальника ссылки. Тогда треба вызывать души других большевиков-ленинцев. Лаврентий Павлович, ну где вы там пропадаете? И кликните, пожалуйста, Николай Иванович Ежова. Ваши имена давно пора высекать на торжественно блестящем лабраторе. Вы ведь всем помогали и воодушевить умели до самоубийства.

Умилением заходится душа, когда читаешь о вынутых из бесславия большевиках. Герой гражданской Мрачковский, взятый НКВД как враг народа, и следователь Слуцкий, сослуживец арестованного и сам почти герой, после трёх суток допроса братски обнимаются и, плача в китель товарища, клянут ненавистный сталинский режим, который заставляет одного писать фальшивое обвинение на фронтового друга, а другого - подписывать самоубийственную ложь. Мрачковский сразу после приговора был расстрелян. Версия душещипательных событий изложена следствием в момент реабилитации.

"Чёрная клевета залила дом старых большевиков..." В каждом областном центре был свой дом на набережной. С изложения драмы, разыгравшейся в его стенах ежовыми годами, начался и быстро иссяк последний всплеск загнивающего социалистического реализма. В столице, известно, обласканный вниманием дом находится на улице Серафимовича и чешуёй

мемориальных барельефов напоминает, как скоротечна жизнь политических наркоманов.

Объектом ностальгии в Свердловске стал дом высокономенклатурных большевиков на улице 8 Марта. До того, как беда пришла в его подъезды, вихрь дурелома смёл десятки тысяч простеньких крестьянских гнёзд.

Надо прямо сказать, что реабилитационные бумаги пятидесятих годов сработаны добротнo. В каждом из следственных дел, пропущенных через эту кампанию, реабилитационные материалы занимают чуть ли не половину листовых площадей. Протоколы допросов, справки, свидетельства выживших. Однако весь следственный антураж отдаёт обычным большевистским лицемерием.

Преступники, производившие массовые аресты, пытки, фальсификацию следственных материалов, виновные в гибели тысяч людей, уходили сквозь пальцы партайгеноссе из КПК и КГБ, получив в назидание шлепок выговора с занесением. "За давностью совершённых проступков и положительную работу в последующие годы" карателям прощалось всё. Мерзавцы-ветераны цепляли на китель ордена тридцать седьмого и, растворившись в толпе соотечественников, ничем не отличались от шербатых и в морщинах фронтовиков.

Перестроечные кампании реабилитации не могли быть столь шепетильными. Телеграфом на тот и этот свет сообщали, что все пострадали безвинно, чем казус исчерпали до дна. Поскольку индивидуальной следственной канители никто не разводил, вопрос о виновных за миллионы жертв отпал за беспредметностью. В пятидесятых реабилитировали за отсутствием состава преступления, сейчас потерялся субъект преступных деяний.

Изучение партийных архивов привело автора данной книги к твёрдому убеждению, что высшим выражением классовой бдительности и советского менталитета вообще является донос. Партийно-чекистские директивы при дутых исторических претензиях всё-таки скучны. Частное событие, препарированное че-

рез рассудок и совесть бдительного гражданина, а затем изложенное письменно, тайно, своевременно и кому надо, обретает двойную ценность восстановленного факта и художественно исполненной вещи. Каждый донос есть овеществлённый итог естественной потребности и чувства гражданского долга. В пропасти между таковыми укладываются все побудительные мотивы и манеры исполнения интимного наката.

Множество естественных наклонностей, побуждающих наступать на соседа или сослуживца - классовая и патологическая ненависть, зависть, борьба за уютную должность, похвальное любопытство и другие - делают стукачество неисчерпаемым источником для изучения натуры советского человека. Я хочу остановиться на доносах, обусловленных лишь тремя экстремальными обстоятельствами - животным страхом и пролетарской бдительностью по краям, простой любознательностью в середине. Чтобы не выбиться из исторической колеи.

Донос, оформленный, к примеру, двумя слушательницами Свердловской партшколы на свою подружку, исторической ценности не имеет и может заинтересовать разве что романистов да учёных, шарящих по потёмкам женской психики. В бумаге, дуплетом направленной в обком партии и УНКВД, сообщалось, что их соседка по комнате неоднократно спала с известным троцкистом, разоблачённым как враг народа. Более того, троцкист пользовал слушательницу, это было заметно лунными ночами, в извращённых позициях. Пособницу врага народа взяли. "Так ей курве бухаринской и надо!" - удовлетворённо вздохнули обойдённые мужиками соседки.¹⁰⁶

Абстрактный положительный факт взят мною для мягкого перехода к целому жанру исторически содержательных доносов. Если мужика забирали в НКВД, его семья подлежала немедленному аресту. Жена, взрослые дети и близкие родственники под статусом ЖВН и ЧСВН попадали в лагерь, а детей расталкивали по приютам соцвеса. Робким призраком спасения оставался немедленный публичный отказ от родственника-предателя.

Такая льгота предоставлялась редко и выборочно. Когда известная в Челябинске артистка драмтеатра заявляет на собрании, что не знала о контрреволюционной работе мужа, а сейчас, узнав, от него категорически отказывается, сбрасывает с себя позорную фамилию и впереди родного коллектива голосует за немедленный расстрел, какая-то вероятность положительного исхода теплится.¹⁰⁷ Заявление жены еле заметного диверсанта, косноязычной и костистой самой по себе, вдохновляющей силы не имеет, а у следствия вызывает законное раздражение - "куда ты, старая шельма, столько лет глаза паялила?"

Сюжетно богаче случаи с грешницами. По факту ареста крупного номенклатурного уклониста с периферии воронами слетались вести о его сексуальных вывертах. Доносы очень правдоподобные и аргументированные именами. Вслед за ними поступали слёзные раскаяния грешниц.

Аппаратная работа суетна. Ещё до приезда важного уполномоченного все знают, что он любит чай с лимоном, водку под рыбу и полненьких блондинок. Если вкусы гостя не экзотические, потребное берётся с продовольственных складов и из комсомольского аппарата. Отказывать в чём-то крупному большевику, сами понимаете, бестактно. Впредь пассия гостя имела продвижение по службе и, как залог хороших личных отношений с вышестоящим органом, переводилась на усиленный паёк. Районные уполномоченные пробавлялись случайным и менее изысканным женматериалом.

Теперь подбольшевистские дамы становились козырными тузами обвинения. Обычно после свежей любви мужик волнуется три недели, а баба четыре. Большевистская бдительность отменила сроки исковой давности. И не зря, аппаратный люд, оказалось, хорошо помнит грешные движения и намерения каждого. Стоило секретарю Звериноголовского, например, райкома попасть за решётку, кто-то из его бывших коллег (может, по поручению коллектива) выполнил священный долг, сообщив следствию, что арестованный "не был примером для партийного актива, а зани-

мался пьянством и половой распущенностью, втягивал в пьянство партийный актив... Изнасиловал коммунистку-слушательницу совпартшколы, пытался изнасиловать жену одного из председателей колхоза..."¹⁰⁸ Всё с указанием имён, мест и дат. Будто коллективом держали фонарь.

"Он к ней ездил на квартиру спать - это подтвердит вся парторганизация райисполкома..." Бабу, к которой ездил председатель-уклонист Кушвинского райисполкома, арестовали, а разложенческий факт украсил обвинение представителя власти.

Любовница - существо безответное. Легче было простым деревенским бабам. Какой с них спрос, когда все мужики сидят? Дала - как задаром купила. И тебя, соколик, если приспичит, обогрею. Ответственным большевичкам, комсомолкам приходилось труднее. Доводы раскаяния тут самые разные, но суть едина и лаконичнее всего выражена в письме трёхнедельному секретарю Челябинского обкома партии от тайной пассии врага народа Кудрявцева - в интимных отношениях, признаюсь, была, но идеологической связи не имела.

Доносы неприкрытого шкурного страха примитивней. "Мне стало известно..., что бывший секретарь Копейского РК ВКП(б), зав.сельхозотделом обкома партии П.Ессяк - враг народа арестован. Поэтому я считаю своим партийным долгом сообщить следующее... Ещё раз повторяю, что до настоящего времени я не знал о контрреволюционной подлой работе врага народа П.Ессяк... Кроме того, сообщаю, что Ессяк был в чрезвычайно близких отношениях с рядом работников Копейска, которых он перевёз из Златоуста и других организаций, о некоторых мне известно о личных отношениях..."¹⁰⁹

Заведующий КУЭС Челябинских копей писал во спасение своё, а вышло наоборот. "Как вам известно, - комсомольским фальцетом доносил Рындику секретарь Копейского РК ВЛКСМ, - в нашем районе долгое время работал враг народа Ессяк и позднее Потатувев..." И далее легко сдавал в утиль старших своих товарищей - действующего секретаря райкома Мара-

кулина, председателя горсовета Трофимова, редактора районки Приверженцева и других. Вместе, мол, ездили на охоту, ходили друг к другу в гости, пили. А по пьяни два из трёх чистая контра."¹¹⁰

Комсомолец опоздал. Информацию, полезную для расстрела врага народа, раньше подбросили шептуны-большевики. Да и сам секретарь Челябинского ВКП(б) уже сидел под колпаком УНКВД и по ночам думал о вечном.

В стремлении выскочить из подозрений и откупиться чужими душами оставшиеся на свободе аппаратчики поступали беспредельно и порой глупо. Инстинктивная слепота, тем не менее, плела какие-то закодированные природой и неповторимые, как узоры на морозном стекле, кружева взаимных обвинений. Ознакомившись с содержанием доносов, арестованные легко вычисляли авторов и на следующем допросе в окончательный расчёт называли их членами подпольных террористических групп.

"Прошу проверить деятельность и личность Трегубенко П.И., который в 1933-1934 годах работал начальником политотдела Петуховской МТС, в настоящее время работает в редакции "Челябинского рабочего". В то время секретарём Петуховского РК ВКП(б) работал Козубовский - сейчас разоблачён и арестован как враг народа вместе с врагом народа Кабаковым. У Трегубенко с Козубовским в то время были очень близкие связи и отношения. Трегубенко с Козубовским в районе творили всё, что вздумается - использование рогатого скота колхозников на полевых работах. Эта директива была дана врагом народа Кабаковым..."

Они давали распоряжение о лишении продовольственной ссуды те колхозы, где колхозники не работали на рогатом скоте... Я считаю, что Трегубенко сознательно, как сейчас всем известно, проводил такую политику, выполнял все распоряжения и указания врага народа Кабакова..."¹¹¹

"Сообщаю и прошу проверить факты о связи секретаря Уксянского РК ВКП(б) Куклина с сейчас разоблачённым врагом народа Рыжковым (работавшим в

Облзу), поэтому против Куклина и его связи с Рыжковым я вам сообщаю следующие факты. Куклин с Рыжковым постоянно пьянствовали в 1933-1934 годах, в тот период Рыжков был секретарём Далматовского РК ВКП(б), а Куклин начальником политотдела Уксянской МТС...¹¹²

Согни однообразных в содержании и подлости доносов прочитаны мною при подготовке данной главы. И всего в двух из них шевельнулся микроб совести, точнее сказать - мелькнула тень собственной вины. В порядке частичной реабилитации приведу один из оригинальных доносов.

“Какое же я имею право молчать? Пусть 99,5% за то, что это чепуха, но 0,5% есть такое - вызывающее сомнение. Поэтому считаю самым правильным сообщить об этом Вам для проверки. Тогда будет всё ясно. У меня с т. Симоновым взаимоотношения самые лучшие. В его дискредитации я никак не заинтересован. Я уверен, что если он в действительности большевик, это моё письмо его не дискредитирует и он на меня не обидится”.¹¹³

Симонова взяли по другим наводкам, а затем добрались и до нашего совестливого автора. Другие партийгеносы крупного челябинского чиновника не стали мотать сопли на кулак и помогли следствию толково. “В колхозе имени Ленина Симонов предложил сеять ночью. На возражения по этому поводу заявил, что мы заставим, а нужно будет, не поспе-сняемся - стрелять будем... Арестовывали бригадиров тракторных отрядов и трактористов прямо на месте работы, забирали их с собой в машину, привозили и сдавали в НКВД... Секретарь РК имел такие же погрешности. Все члены бригады уполномоченных вели себя так же... В ряде хозяйств они взяли мяса, забив хряка в колхозе “Память Ленина”, и 4 барана в колхозе “Путь социализма”, не уплатив денег”.¹¹⁴

Не знаю, выжил ли инструктор Колхозного райкома, написавший мне в обком, и считать ли доносом выстрел правдой в спину, но вся бригада уполномоченных почётно ушла под выездную военную коллегию. Голова колхозного хряка, если не принимать во

внимание другие обстоятельства, ценилась в тридцать мясные заметно выше головы пусть даже ответственного товарища.

Единственное, что сколь-нибудь разнообразит партийные доносы, так это их география. Писали ото-всюду, из всех краёв и отраслей хозяйства. “Урал-вагонзавод строился под руководством бандита Марьясина. Эта банда крепко навредила в смысле пожарной охраны...” И стукач-пожарник просит секретаря Свердловского обкома и УНКВД присмотреться к некоторым работникам охраны. Известный на Урале журналист тайно информирует Рындина, что его шеф и редактор “Челябинского рабочего” Сыркин ведёт себя суетно и зачем-то втихаря ездил в Свердловск к находящемуся под подозрением НКВД редактору газеты “Уральский рабочий” Жуховицкому. Не контроли, мол, слетается на шабаш. Третий убедительно просит “заняться по-настоящему” директором Пермской оперы Кузнецовым, а заодно и директором Свердловской оперы Рычаговым.¹¹⁵ Фамилии некоторых талантливых стукачей украсили послевоенную историю Урала.

В тему любимую - аграрную - предлагаю фрагмент письма, направленного одновременно Сталину, редактору “Правды” и секретарю обкома, одним из бывших руководителей Овощетреста.

“Окончив рабфак, а в 1932 году Воронежский сельскохозяйственный институт, где нас воспитали и дали Ленинский и Ваш стиль - смелость, риск и творчество в работе, я с этой путёвкой выехал в жизнь. За два года, 1933-1935, я организовал и построил с рабочими крупнейшую Быковскую бахчевую станцию в Сталинградской области исключительно на средства, найденные в земле...”

За эти два года я разоблачил из среды научных работников группу Скрипника и Бухоршта-Филова, Стреленко, Куприянова и др., выгнав их со станции и передав дело в НКВД...

Свердловский Овощетрест в январе 1936 года представлял из себя мёртвое тело... Заражённый Вашим духом, я решил поставить это гибнущее хозяйст-

во на ноги и доказать, что у нас нет плохих хозяйств, а есть плохие руководители...”

Обиженный внезапным увольнением, наш автор стал язвителен, как Николай Александрович Хлестаков. “Карпов - Облзу, ныне исключённый, великий лентяй. Рогожкин - бывший директор Свердловского Овощетреста, где по заданию Кабакова сгноил много тысяч овец на скотомогильниках. Друг Кабакова и Зубарева. Ныне работает нач.живуправления - замечает следы. Начальник Овощеуправления Облзу Абрисимов - сын жандарма, за пять лет полностью уничтожил овощи области и списал в расход теплично-парниковое хозяйство колхозов. Начальник землеустроительного отдела Глаголев - сын священника, через жену был связан с диверсантами...”

Главный инженер Облзу Сергеев - сын священника, развалил механизацию области. На партсобрании сообщал, что коммунистом его сделал отец-священник и скрывал его от Колчака и в эту басню все верят. Можно поверить только в том случае, если отец-священник учил его марксизму для шпионажа у нас в тылу... Секретарь Облзу Николаев - сын крупного кожевника, имевшего рабочих. Сбежал с белыми, а сын присосался здесь... Зам.начальника спецсектора Мясников - сын жандарма, отец сбежал с белыми, а ему, как видимо, поручили пробраться к секретным документам и шпионить. Опорин - работник Облзу, крупнейший пьяница, опухший от безделья, замаскированный троцкист. Карташов - работник Овощетреста - паразит с партийным билетом. Безграмотный агроном, классический бездельник и лодырь. Пахтусов - начальник овощных совхозов НКЗ РСФСР - личный секретарь Зубарева на Урале..., неразоблачённый враг народа...

Дорогой тов. Сталин! Все эти враги на воле и работают”¹¹⁵

В доносах часто угадывается возраст автора. Приступая к делу, старый большевик не претендует ни на что большее, чем переждать лихую годину. Молодёжи свойственно стремление жить восходяще. Доносы комсомольцев радикальны в обвинениях, выводах и

очень редко анонимны. Не донос, а заявление на должность недостойного.

“Недавно узнал, - к примеру так, - что бывший редактор “Комсомольской правды” В.Бубекин разоблачён как враг народа. А мне очень хорошо известно, что нынешний редактор... районной газеты Никифоров имел кое-какие отношения с Бубекиным...” Далее автор, молодой литсотрудник, пересказывает разговоры редактора о том, как они вместе с Бубекиным пьянствовали и хулиганили когда-то в Челябинском окружкоме ВЛКСМ. Кроме того, редактор рассказывал похабные контрреволюционные анекдоты.

В обкоме ВКП(б) бумаге дали ход, в то время УНКВД шерстило редакцию “Челябинского рабочего” и троцкист-газетчик был в большой цене. По рекомендации партийных товарищей молодой литсотрудник стал редактором районки и прожил достойную жизнь. Я его знал лично, доныне портрет ветерана-стукача украшает редакцию одной из районных газет.¹¹⁷

Доносы со страху и большевистской бдительности похожи на мумию. Или на рисунок с высоковольтной мачты. Другое дело - доносы любительские, в которых стук возвышен до уровня живого народного творчества. Это стук из глубин народной дикости. Порой просто талантливый. В стране политического бесправия непоседливому труднее вдвойне. Он может придать разнообразие жизни, пустив, из чистой любознательности, соседа под срок или ошпарив склокой целый трудовой коллектив. Только для этого надо писать хорошо и высоко.

“Головка Челябинской области прибрата к рукам, - обращается в ЦК ВКП(б) рабочий ЧТЗ Пятин, - но это ещё не всё... Шептулин, по-моему, исключительный карьерист..., выразился, что троцкизм сейчас мёртвый... Секретарём парткома отдела главной инспекции выбран Рупасов, я считаю, враждебный элемент. Про него я писал в “Челябинский рабочий”...”

Цыркин, правда, арестован, но политический руководитель парторганизации Рупасов ещё на свободе и может творить свои дела. Меня интересует - почему Челябинское УНКВД долго медлит с моим письмом...

Передаю коммунистический привет Центральному Комитету Всесоюзной КП(б)! Работаю в цехе пусковых моторов в качестве браковщика".¹¹⁸

Сей большевик завалил центральные инстанции просьбами немедленно расстрелять выявленных им троцкистов. Кого надо стрелять власти знали и без Пятин. Его пригласили на бюро Тракторозаводского райкома для беседы и признали психически больным. Стукач, вполне допускаю, был с двойным дном и косил под смурного с пониманием, что маниакально-большевистский психоз есть единственная манера выживания в столь дурные времена.

Работника Егоршинского радиоузла и рабкора Бархатова пришлось обсуждать даже на заседании обкома партии. Чуть ли не ежедневно он направлял доносы в адреса многих центральных учреждений, особенно доставая ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

"Тов. Сталин и тов. Молотов! Я прошу Вас обратить внимание на состояние положения дел. На Невьянской базе и Егоршинском пункте заготзерно всевозможные безобразия..." Так начинается одно из посланий. Вождям сообщается, что по этому поводу неоднократно писано в "Правду", откуда письма отправляют в заготзерно, а на последние газета и вовсе перестала отвечать. "Вас, тов. Сталин и тов. Молотов, прошу принять соответствующие меры".

Интересы стукача-добровольца простирались от высокой политики до интимных отношений, но более всего жгла боль за дела родного Наркомата местной промышленности. Было замечено и сделано несколько внушений двум главным вождям, что "на Егоршинском радиозаводе техническая учёба отсутствует, а качество репродукторов плохое". Про своего шефа, начальника радиоузла, он написал ("Руководитель - не наш!", а верный слуга отщепенца Рыкова и враг народа) Калинину, в НКВД и во все центральные газеты.

В последнем перед вызовом в обком письме он после информации о местных троцкистах задал вождю народов три радикальных вопроса и сформулировал одно пожелание.

"1. Когда меня и мою семью пошлют лечиться на южный берег Крыма? 2. Когда в Свердловском управлении связи не будет на работе троцкистов и врагов народа? 3. Когда будут работать действительные большевики? 4. Хотел бы пойти на оперативную работу в НКВД".¹¹⁹

Назойливый стукач всё же стукач, то есть человек свой и полезный. При изучении этой формы подвижничества я встретил только один случай, когда судьба отвернулась от тайного осведомителя.

Июнем тридцать седьмого в газете "Уральский рабочий" вышла статья "Выкорчевать вражеское охвостье из Облоно!" Она была подготовлена на основе клеветнических материалов, скрыто предложенных инспектором по военной подготовке Александром Войткевичем. До 40% штата этой организации, утверждал он, явные враги народа. Массовые аресты просвещенцев не остановили стукача. В течение лета он написал около десятка доносов в УНКВД, прокуратуру, продолжая жить в уверенности, что оставшиеся на свободе педагоги - "верные псы врагов народа".

За выдающуюся клевету инструктор был осуждён по статье 58-7 на 12 лет. Находясь в ИТЛ, настучал в адрес ЦК ВКП(б), СНК СССР и Прокуратуры СССР на лагерное начальство и просил учесть заслуги в деле борьбы с троцкизмом. Судьба пошла зыбью. Срок скостили до трёх лет, но заключённому кто-то из-за угла помог умереть.¹²⁰

Большевистская бдительность породила особый вид тихой психической сдвинутости. Фанаты-стукачи донимали партийные и карательные органы до такой степени, что хоть на луну вой, хоть бери за жопу самих накатчиков. Как, к примеру, закрыть поддувало у беспартийного бухгалтера Свердловского облздравотдела, подавшего на предмет сочувствия и бдительности такой отчёт в обком партии. "Дано 60 сигналов: 12 - в обком, 12 - в горком, 4 - Бухарину, 3 - в облпрокуратуру..."¹²¹

"Хлеб был от колхозников скрыт, а люди умирали преждевременной смертью..." Письмом тагильского

мужика Сивкова Ивана “в ЦИК партии” закрываю/тему доносов, потому как в этом послании есть всё. “Романов (председатель колхоза - А.Б.), чувствуя/себя царьком, тех, кто ему начинал подличать, снимал с должностей, а места запоразнивал из поповских сыновей поповского охвостья, певчими с клироса и белобандитами...

В Тагиле народилось диверсии большой и маленькой до того, что у прокуратуры начали остывать руки к их ликвидации... О принятых по содержанию письма мерах прошу ЦИК партии меня уведомить.

Приложение: продолжение.

Прошу ЦИК партии дать распоряжение Тагилу и области об ограждении моей семьи красноармейца от издевательств-насмешек и нашему сельсовету, колхозу - также обслуживанию меня нужной помощью как много лет потерпевшему от головоотяпства и разорения до нищеты и, в свою очередь, навести на мысль органы социального обеспечения Свердловской области об оказании мне нужной помощи как инвалиду войны и труда. Жена болеет 10 лет спорадическим аппендицитом (заражением слепой кишки).

В случае дерзновения врагов на меня, как по смыслу или лживого деяния, а также насильного навязывания тюрьмы под разными предложениями, прошу ЦИК партии быть на страже”¹²²

Штучная историческая вещь! Здесь суть как в хорошем соцреалистическом романе надо искать постепенно, нежно раздвигая художественные детали. Партийный кадр в доносах прямолинеен, и с ходу заметно, что накат делается во спасение собственной кожи. В стуке от пролетариата и трудового крестьянства тонкий резон - выменять шило на мыло - звучит в гармонии со словом.

Из эпистолярного жанра, сопутствующего следственным делам, хочется остановиться на большом потоке жалоб, поступающем от залетевших под подозрение или чувствующих скорый арест. Партийные архивы частично законсервировали и этот стон.

“Ко мне все холодно относятся, жену-орденоноску и председателя женсовета ИТР не выбрали в

президиум, а сын Женя говорит, что вся школа знает - скоро отца повезут допрашивать как врага народа в Москву”¹²³ Автор письма в обком партии догадывается в чём дело, близкие отношения с начальником строительства Уралвагонзавода Марьясиным, расстрелянным как враг народа. Жалоба осталась без ответа. И судьба, и партия озабоченно отвернулись в сторону.

Рыбой молчал обком, пачками получая классические телеграфные слёзы: “Прошу вызвать на личное объяснение, расследование местным не доверяю”.

Более хитрые пытались сделать ход конём и заблаговременно выскочить из опасного слоя номенклатуры. “Я прошу, Кузьма Васильевич, послать в Бродоколмакский район человека с образованием и масштабом крупной работы, а мне дать работу, с которой я мог бы справиться... Что касается моей преданности партии и Центральному Комитету партии, то в этом отношении у меня всё в порядке, никогда и ни с кем я никаких делов не имел, которые могли бы меня позорить как большевика...”

Я повёл решительную борьбу по выкорчёвыванию врагов народа, в результате этого выгнаны из партии и сняты с работы десятка полтора ответственных работников, в том числе такие, как предрик Михалёв, два директора МТС Ершов и Абрамов, уполкомзаг Колупаев, начальник милиции Селищев, пом. начальника РО НКВД Лутков, райпрокурор Афанасьев... Принятые меры недостаточны и район плетётся в хвосте”¹²⁴

Секретарь райкома ВКП(б) Пукит писал тоже зря. Кузьма Рындин ходил последние дни на свободе и вряд ли что мог сделать. Отчаявшись ждать ответа и прислушиваться к шорохам ночи, некоторые уповали на вождя и ЦК партии. Можно даже представить, какие тонны мокрой макулатуры поступали в адрес верховных канцелярий.

“От напряжения высоких чувств, - писал в ЦК ВКП(б) директор Кунгурского заготзерно, - перед успехами Страны Советов не выдерживал радости и плакал... Не мог без волнения читать о преступлениях

врагов народа и гордился нашими органами, выкорчёвывавшими всё негодное, мешающее победоносному строительству коммунизма... И вдруг - я враг народа?"

Понимая, что к чему, автор неловко оправдывается. "Зерно принимали сырое, без ограничений влажности, об этом я писал в Москву и обербандиту Кабакову".¹²⁵

Год тридцать седьмой захлёбывался в крови и демагогии. С большим террором началась и эпоха российской социалистической демократии. Захотелось с изжоги подлинного народовластия. Я не буду распинаться на тему органичной связи коммунистической диктатуры и власти трудящихся. Для того надо родиться талантливым словоблудом или заканчивать ВПШ. В фундамент советской демократии загнали монолит - блок коммунистов и беспартийных. Судя по идеологическому аккомпанементу избирательной кампании, беспартийным отводилась роль положительно заряженной массы.

В конце сентября тридцать седьмого ЦК ВКП(б) под литером "Г" разогнал по стране директиву с таким акцентом. "Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий представить в ЦК ВКП(б) к 5 октября 1937 года свои окончательные предложения о кандидатах в Совет Союза и Совет Национальностей Верховного Совета СССР".¹²⁶

Первый экскурс в избирательную технологию, да ещё на фоне большевистской бдительности и массового террора, был обставлен сугубыми мерами предосторожности. Чтобы исключить вероятность ошибки, партия наглухо перекрыла кислород союзнику по избирательному блоку. На места подали соответствующий документ. "Комиссия по кандидатам в члены Верховного Совета и в председатели окружных избирательных комиссий не будет принимать к рассмотрению материалы, не имеющие следующих данных: ...партийность, год вступления в комсомол и партию, номер партбилета или кандидатской карточки..." Все кандидаты в Верховный Совет утверждались ЦК ВКП(б).¹²⁷

Одновременно с этим в обкомы партии пришла директива за подписью Маленкова об обязательном выдвижении во всех округах лиц из "списка 32-х" - кремлёвской номенклатуры. В реестр безусловных любимцев народа вошли: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Андреев, Калинин, Косиор, Хрущёв, Жданов, Будённый и другие.

По первому разу получилась путаница. Главных вождей расхватили по округам сразу, а второстепенных брать боялись - враз да завтра окажется врагом народа. Подвожди, понятно, здорово обиделись. Чуть позднее работу значительно упростили, святых разверстали по областям, настрого предупредив о недопустимости конкуренции со стороны местных выдвиженцев.¹²⁸

Уралу для выдвижения рекомендовались: Лазарь Моисеевич Каганович, Лев Захарович Мехлис, Анастас Иванович Микоян, Абрам Яковлевич Столяр, назначенный вместо расстрелянного Кабакова, директор школы коммунизма Шверник и Николай Иванович Ежов.

Демократия по-красному выглядела так. Сначала выдвигались рекомендованные вожди. Местные большевики, не знакомые с разрядкой, хотели только Сталина, что следовало тактично пресекать доводом - честь выдвижения вождя народов предоставлена лишь самым лучшим трудовым коллективам. Вот товарищ Мехлис, к примеру, тоже вождь неплохой. Есть ли возражения против данной кандидатуры?

Вторым номером шли собственные выдвиженцы. О персоналиях догадаться совсем легко. Время на дворе стояло горячее, под разоблачение ушла почти вся местная номенклатурная рать. Если кто из мелочи и остался, то на роль народного избранника не тянул. Единственными героями дня были зоркоглазые чекисты. В большинстве областей обер-каратели, начальники УНКВД, стали кандидатами в Верховный Совет. Валухин в Тюмени, Дмитриев-Плоткин в Свердловске, Чистов в Челябинске...

Ещё одним источником народных избранников стали свежие назначения Москвы, те временщики,

что заменили расстрелянных провинциальных вождей. В народные избранники попали и Столяр, и назначенный столицей секретарь Челябинского ВКП(б) Огурцов. Потом кого из них отзовут в центр, кого посадят, а судьбы региона будут единолично решать в Кремле.

Механизм становления советской избирательной системы объясняет многое в провоцировании массового террора. Сталинская конституция декларировала относительно демократические принципы формирования государственной власти. Что при реальном внедрении гарантировало летальный исход российскому социализму. Красным Советский Союз рисовали на географических картах да в газетах. В ЦК ВКП(б) и НКВД хорошо знали о крайне антисоветских настроениях подавляющей части населения. Миллионы арестованных по пятьдесят восьмой статье УК говорят не только о злобности власти. Сохранение диктатуры при демократической миной было возможно при однозначной динамике событий.

Первыми следовало устранить возможную оппозицию в центре. Последний деревенский хозяин из возможного партийного выбора тайно проголосовал бы за правоуклонистов. С ними были связаны надежды на возвращение хотя бы в НЭП. "Если правоуклонистов не расстреляют, - выдала на собрании общедеревенскую мечту Кузнецова Ульяна (колхоз "Зерно" Куединского района), - то они отпустят нас из колхоза". Правоуклонистов тщательно и до выборов расстреляли, а простоумой бабе дали срок.

Под довыборную ликвидацию шли и провинциальные вожди. Особенно в крупных хозяйственных регионах. Прохождение их в депутатский корпус не вызывало сомнений, в Москве знали, что те во имя личного интереса способны на любой подлог. Появление таких депутатов в Верховном Совете заметно ослабило бы власть кремлёвского ареопага. Так что подпольные организации правых появились на периферии совсем не зря.

Местные вожди уходили на дно под грузом всего дурелома предшествующих лет. В обвинение им ста-

вились, смешно сказать, даже массовые аресты по указу "семь восьмых" и за срыв хлебозаготовок! По всей стране предвыборная кампания проходила под аккомпанемент смертных приговоров тем, кто, якобы, извратил суть социализма. Врагов народа требовалось много, чтобы повсеместно и в каждом предприятии свалить на них вину за то, что до этого называлось Советской властью.

Итак, кандидатами по каждому округу выходил занаряженный вождь и местный выдвиженец. Цековская разнарядка вовсе не означала, что вождь будет именно здесь баллотироваться. На каждого из 32-х приходилось по пять-шесть областей, и он мог выбирать. В те времена предпочитали баллотироваться в сытой Москве. Потом, во времена перестроечные, партийные бронтозавры поползли из прогрессивно поумневшей столицы в края непуганых дураков.

Если вождь не баллотируется, на выборы выставляется местный выдвиженец. Дальше то, что называется предвыборной кампанией. Первым делом всех избирателей загнали на обязательные курсы по изучению "Положения о выборах". Тут взбеленился всяк второй. Драмы закручивались повсеместно.

"В ответ на призыв ежедневно посещать занятия по изучению положения о выборах, организованные при ЖЭКТе, - даю донос свердловского Швондера секретарю обкома, - один жилец пообещал обломать руки и ноги активистам, не давшим ему отдохнуть. Когда его вызвали на актив в 12 часов ночи, он симулировал припадок. Несмотря на это, ему вызвали следователя НКВД и доставили в холодную..."

Далее актив возмущается, что симулянту лепится уголовная, а не политическая статья. "Ведь было замечено, что он сорвал со стены портрет Ваш (писано Столяру - А.Б.) и Шверника, а жена в припадках кричала - режь жидов!"¹²⁹ Предлагалось взять дело у прокурора и передать в НКВД. Там, мол, таких долго в живых не держат и голосовать ему придётся в преисподней.

Сразу в НКВД направляли дела, связанные с наглядной и словесной агитацией. До обычного хулиган-

ства, когда вместо портрета вождей вывешают лики врагов народа, руки почти не доходили. Осенними листьями на уральскую землю падали антисоветские прокламации. Спектакль подготовки к выборам совпал с проведением 20-летнего юбилея Октября. Общий фон событий не располагал к особой торжественности. Даже в праздничных призывах холодно искрилась большевистская ненависть к миру внешнему и своим инოდумцам.

“Вся подготовка 20-ой годовщины Октябрьской революции, - читаем строго секретную директиву Челябинского ВКП(б), - и само празднование должно проходить под знаком широчайшего показа и разъяснения трудящимся массам великих завоеваний рабочего класса и крестьянства в результате победоносной пролетарской революции, диктатуры пролетариата, в результате неуклонного осуществления генеральной линии большевистской партии и её ленинско-сталинского руководства, обеспечившего в жесточайшей борьбе со всеми классовыми врагами и их троцкистско-бухаринской агентурой окончательное торжество дела социализма в нашей стране, нашедшее своё наиболее яркое выражение в новой Сталинской Конституции Советского Союза”.

Фу, передохнуть надо. Талантливый же чёрт писал рыбу для директив. Куча словесного говна, а лепота-то какая!

“Празднование 20-летия Октября должно показать всю мощь Советского Союза, как базу и цитадель мировой революции, как опору международного пролетариата, как оплот мира, демократии и прогресса для всего прогрессивного человечества.... В области сельского хозяйства осуществить лозунг - “Закончить к Октябрьской годовщине все сельскохозяйственные работы текущего года”¹³⁰.

Многотысячный демагогический корпус лекторов, чтецов, политинформаторов, беседчиков и прочих блудозычных спецов выбросили в народ. Надо же было втолковать этому большому дурню, голодающему вторую пятилетку подряд и не вылезаящему из хлебных очередей, что по большому счёту, по сути

ему крупно повезло и весь мир пребывает в зависти, ибо у нас есть Сталин, колхоз, Магнитка с Днепрогэсом, всевидящее НКВД во главе с Ежовым.

К поздней осени агитировать за Советскую власть стало легче. Год выдался очень урожайным. Хлеб появился в городе и деревне, что культивировало положительные слухи, будто предыдущая голодуха была организована врагами народа.

Вдогонку лекторы громко цитировали постановление ЦК ВКП(б) и приказ Комитета заготовок по тому вопросу. В первом всем без исключения организациям запрещалось “устанавливать для колхозов и единоличных хозяйств встречные планы на поставку государству зерна., что лица, виновные в даче встречных планов, будут привлекаться к уголовной ответственности”.

Если вышло какое-то постановление ЦК, значит, будут снова садить. Комзаг установил нарушение партийной директивы в Покровском, Тугулымском, Талицком, Пышминском и Камышловском районах, входящих тогда в Челябинскую область. Уполномоченный по заготовкам Зыков и начальник зернового управления по области Орлов моментально стали врагами народа. Встречными планами обдирали везде, тут же выбрали районы наобум.

Умытая Советская власть смотрелась девкой хотя и битой, но телесно местами выпуклой. На которой наивного мужика можно женить ещё раз. Злобу НКВД вызывали недураки, умеющие разглядеть в молодухе будущего домашнего аспида. Их самодельные листовки всё чаще соседствовали на заборах с предвыборной легальной макулатурой и вызывали отчаянный интерес.

“Товарищи!” - взывала одна из прокламаций, содранная со стен полугородка Шумиха. - “Скоро в избирательных бюллетенях появятся имена таких мерзавцев как Сталин, Калинин, Стаханов и другие. Выкорчёвывайте их к чёрту, товарищи. Ведь они кроме слёз ничего нам не принесут. Насядут они к нам на шею опять. Подумайте, товарищи! Уже 20 лет существует Советская власть, а в капиталистических стра-

нах рабочие и не думают о какой-то пролетарской революции, потому что они живут лучше нас. При Сталине мы опять будем ходить без штанов и давить друг друга в очередях. Ни одного голоса за этих сволочей! Комитет освобождения народа от сталинского гнёта".¹³¹ При всей смелости и уме авторы листовки страдали политическим романтизмом, полагая, что из диктатуры можно выскочить через свободные выборы.

Перед самым праздником УНКВД провели окончательную зачистку уральских столиц и близлежащей местности. Выселили всех подозрительных и уничтожающих юбилейную панораму. Так делали к каждому советскому торжеству. О тревожных предпраздничных буднях земляков-чекистов скажу только одним документальным штрихом.

"При подготовке к празднику Октября, - дело было в Челябинске тридцать восьмого, - арестован 121 человек. Из общего количества арестованных изъято: агентов японской разведки - 4, террористов - 30, диверсантов - 87".¹³² После праздника выяснилось, что под японских шпионов работали три киргиза из местного Брединского района и яркий приезжий татарин из Уфы. Все четверо вызвали подозрение тем, что пилили глаза окрест и не понимали по-русски ни бельмеса. Дыма без огня не бывает. За неприличную, наводящую на подозрения внешность каждому дано по относительно короткому сроку.

Декабрь тридцать седьмого стал апофеозом во всём. Самые крупные уральские враги народа были уже расстреляны или доживали своё в камерах НКВД. Обер-чекисты получили по ордену Ленина и готовились стать депутатами Верховного Совета. Газеты пошли пятнами крупных снимков, порой исторически вроде бы парадоксальных. Хрущёв и Ежов мило улыбаются друг другу... Компанию украсила фотография - Сталин, Молотов, Ворошилов и махонький Ежов голосуют за себя на одном из участков города Москвы.

Уральские газеты, ублажая тайные симпатии коренного населения, свидетельства о единодушной поддержке Кагановича, Столяра, Мехлиса и других

микоянов дали прозой, но в полный разворот запустили поэму Джамбула Джабаева "Нарком Ежов".

В сверкании молний ты стал нам знаком,

Ежов, зоркоглазый и умный нарком.

Великого Ленина мудрое слово

Растило для битвы героя Ежова.

Великого Сталина пламенный зов

Услышал всем сердцем, всей кровью Ежов.

Так заканчивалась поэма. Заканчивалась хорошо. Нет вины художника в том, что жизнь шарахнулась в сторону. Через два года Кольку Ежова шлёпнули, сволочью оказался паренёк. Народный поэт Казахстана долго гладил шёлковую бороду и не то в творческом кризисе, не то в ожидании чёрной "маруси" уныло и однообразно раскачивался.

Ничего стратегически криминального на выборах не произошло. Из них сделали праздник с катанием на тройках и выпивкой. Блок коммунистов и беспартийных победил всех. Да иначе и быть не могло. Какая ты диктатура, если не сумеешь правильно организовать демократические выборы? Далеко впрёд, до времён перестроечных, единодушные никогда не составляло проблемы для партийного руководства, оттого сколь-нибудь интересные события возникали вокруг самой избирательной процедуры.

В пору аспирантской молодости мне довелось руководить агитколлективом на одном из избирательных участков Гагаринского района Москвы. Кандидатом проходил Алексей Николаевич Косыгин. Накануне дня выборов под вечер нагрянула высокая комиссия. На восьми "Волгах". Проверяла готовность столицы к меропрятию, и чёрт навёл её на нас.

"Агитация закончена, почему портреты кандидатов не сняты?" - задал кто-то вопрос мне, но с расчётом, чтобы услышал кадр, сосредоточивший на себе внимание всех. Судя по носу, это был Гришин, секретарь столичного горкома КПСС. Профессор, ответственный от МГУ за нашу работу, к тому же мой руководитель по диплому, давший рекомендацию в аспирантуру, посерел. Пришлось, выручая человека доброго, подмахнуть и заявить, что снимать прилюд-

но и засветло портреты столь уважаемого политика не поднимается рука.

Я был удостоен внимательного взгляда секретаря и обозван человеком, способным рассуждать политически зрело. От улыбок окружения стало совсем тепло. Хором мне дали совет - по темноте мобилизовать агитаторов и портреты тихо снять.

Университетское начальство подвели соседи. После выборов и сдачи результатов в район члены избирательной комиссии обычно нарезались до ступора. Поэтому голоса считали прикидочно, и скорее за стол. Пересчитали на три раза, провозились, привезли в районную комиссию, а там уже давненько сводный процент вывели и сообщили в городскую инстанцию.

Так вот, в ту ночную пьянку, во время вертозадых танцев кто-то уронил мраморный бюст Владимира Ильича, взятый из торжественного вестибюля МГУ. Наутро к месту трагедии слетелось научно-политическое начальство. Говорили тихо, как на похоронах. Мраморный Ильич с отколотым носом и трещиной на темени стоял в тёмном углу сфинксом и сердито смотрел в загнивающий социализм. Доцент, руководивший участковой избирательной комиссией, вылетел с должности моментально и эффектно. Как Александр Слободяник из-за рояля на финальном пассаже "Дикой охоты" Листа.

Сейчас выборы скучнее. По причине глубокого разочарования свежероссийской демократией народ на выборы не заманишь. Перестроечная эйфория многопартийности и свободоблудия сменилась чувством глубокого похеризма. Мы напоролась на себя. Известно ведь, для демократии необходим предварительный уровень гражданского взаимоуважения и признания права частной собственности. Как раз того, чего у нас нет по большевистскому воспитанию. Поэтому любая комбинация депутатов по вертикали и географически исчерпывается подвижной пропорцией между желающими решительно бороться и желающими столь же решительно воровать.

Нынешние выборы действительно скучнее. Деньги идут не избирательной комиссии, а самим претен-

дентам. Да и при подсчёте голосов обязательно наличествует подозрительный, в юбилейной медали ветеран от красных, в повадках блатного либерал и худосочный от безденежья инженер-демократ... В такой пёстрой компании, ясно же, и на свои выпить не скинешься.

Выборы тридцать седьмого явились хорошей школой пролетарской демократии. Состоявшиеся через год выборы в местные Советы никаких хлопот не доставили. Сколь-нибудь подозрительных успели посадить или расстрелять, вожды кремлёвские на провинциальные должности не претендовали.

"Состав окружной избирательной комиссии по выборам в областной Совет создан и утверждён райкомом и обкомом партии... Создана районная комиссия по выборам и утверждена райкомом ВКП(б)... Создано и утверждено райкомом 19 сельских комиссий. Организованы и утверждены райкомом ВКП(б) участковые избирательные комиссии... Райкомом подобрано и утверждено 25 кандидатов в депутаты районного Совета... Подобран и утверждён состав кандидатов в депутаты (202 человека) сельских Советов". Цитировался трафаретный райкомовский отчёт о подготовке к выборам.¹³⁵

Годы тридцать мясные не принесли деревенщине ни эффективности труда, ни благополучия. Три кряду урожайных года сняли проблему голодухи. К тому же в самом начале тридцать седьмого государство перед страхом замора несколько снизило нормы госпоставок хлеба и натуроплаты МТС. Вернее будет сказать так. Снизили нормы для колхозов, обслуживаемых МТС, и повысили всем остальным. Были отсрочены платежи по некоторым хлебным платежам.

Так или иначе, но тем урожайным годом деревня впервые за колхозное время ушла в зиму с хлебом. По такой причине, повторяю, родились байки о предвоенном колхозном рае. Да и как не запомниться, весной с голоду мёрли, а в ноябре ешь - не хочу. Денежной нищеты урожайный год не отменил.

Репрессии громыхали где-то поверху, в деревне садить было некого. Бабий и мальчишечий колхоз еле

тянул государственный хомут. Потому карательная натура власти проявлялась в текущем и сером, по сравнению с большим террором, крохоборстве. По пяти проверенным районам Свердловской области обнаружено (о ужас!) 525 крестьянских дворов, имеющих по две коровы вместо одной уставной. В 87 колхозах области партконтроль зафиксировал недопустимо низкие цены артельного общепита. По постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О мерах охраны общественных земель..." обрезали огороды и содрали с земли все оставшиеся от сытых времён хутора...¹³⁴

Устрашающее действие мясорубки закончило в основном эволюцию колхоза и колхозника. Из природного единоличного полуфабриката мутировалась социально прогрессивная особь, основным достоинством которой явилось исключительное послушание. Понимая, что любая неосторожная инициатива стоит собственной головы, деревенские легли на спину. Теперь самое робкое хозяйственное движение иницировалось только директивой сверху. Примерно так. "Установить Куртамышскому району срок косовицы зерновых 20 июля, срок проведения косовицы - 20 дней". "По Лебяжьеvскому району плановые сроки окучивания картошки установить 15-25 июня".

Пусть куртамышские бабы, ехидно косоротясь, валят хлеб в самом зеленом, пусть еле взошедшую лебяжьеvскую картошку варварски зарывают, ни у кого не шевельнётся желание возразить. Во всяком случае, если что-то не так, расстреляют, бог поможет - только посадят, кого-то из ответственных товарищей. Великий перелом плавно переходил в хронический житейский дурелом. О том свидетельствует ещё одно эпохальное, но совершенно забытое событие тех лет.

Когда-то, в 1935 году, секретарь Челябинобкома ВКП(б) Кузьма Рындин обратился с письмом к Сталину и Молотову по поводу обезлюдившей уральской деревни. "Численность сельского населения Челябинской области, - сообщалось главным вождям, - с 1930 года сократилась на 683 тысячи человек. В результате во многих колхозах области создан острый недоста-

ток рабочей силы. Нагрузка на одного трудоспособного при средней по области в 8,1 га во многих районах достигает до 14-23 га. В 1934 году были посланы в помощь колхозам и совхозам воинские части и 26 тысяч рабочих и членов их семей.

Имея в виду, что напряжённое положение с рабочей силой в колхозах является одной из важных причин недостаточно производительного использования плодородных земель Челябинской области, а также учитывая, что в колхозах области имеется более 1 миллиона га неиспользованных пахотно-способных земель, Обком, облисполком и Всесоюзный Переселенческий Комитет при СНК СССР просят разрешить переселить в колхозы Челябинской области 6 000 хозяйств колхозников и трудовых единоличников из других краёв и областей.

Наличие в колхозах области более 17 тысяч домов, пустующих более трёх лет, даёт возможность при сравнительно небольшом их ремонте предоставить каждой переселенческой семье в постоянное пользование отдельный дом... Переселение 6 000 хозяйств в колхозы Челябинской области значительно разрядит напряжённость с рабочей силой в колхозах и поможет ещё более их укрепить".¹³⁵

Тут же предлагались графики вселения, которые исходили из принципа - вселять больше в те районы, откуда активнее ссылали кулаков. Куртамышский район - 300 семей, Бродоколмакский - 500, Шатровский - 300 семей... Конечно, занаряженное число рабдуш не покрывало и четверти выселенных, но тут необходимо тонкое чувство меры. Проси больше, всё равно на хер посылать - скажут на Руси просителю, потерявшему такое чувство.

Вожди встретили идею с пониманием и выселение разрешили. Массовой кампании на этот раз, к сожалению, не получилось. Тому виной стал плохой расклад сопутствующих деталей. Назову лишь самые главные. В 1933 году, общеизвестно по "Курсу истории КПСС", кулака извели на нет, то есть абсолютно лишних людей не осталось. Предложения вынуть из лесотундры хотя бы часть отощавших спецпереселенцев власть

отвергла с порога. Не совсем прилично с политической точки зрения.

Далее, значительная часть деревенщины по всему Союзу ходила в энтузиастах: разнообразные виды вербовки, трудгужмобилизация, заключённые, приписные рабы заводов и т.д. Тут тоже ловить нечего. Людские резервы многих областей и республик побило голодомором. Авторы прошений лукавили, полагая, что только на Урале колхоз держится на бабе. Прекрасная половина всей советской деревни ходила в ярме.

Вдогонку тому падала рождаемость. По данным Нархозучёта, в конце тридцатых смертность населения на Урале в полтора раза превышала рождаемость. Речь, разумеется, о вымирающих без помощи НКВД. Его клиенты-покойники (помните?) числились живыми до середины пятидесятых.

Вялотекущий характер операции вселения обусловило плохое руководство. Переселенческий Комитет при СНК СССР, выяснилось, много хуже НКВД СССР. Работать с широкими народными массами там совершенно не умели. В области, из которых намечалось выселение, направили разнарядки с обещанием рая на новом месте. Ни сборных пунктов, ни комендатур. Не по-советски, одним словом.

Вышел конфуз и в краях обетованных. При подсчёте пустых домов уральские вожди исходили из количества выселенных кулацких семей. Методологически это безупречно. "Где кулацкие дома?" - сурово испросили они сельсоветских активистов, когда переселенцы уже сидели на уральских полустанках. В одних сами жили, другими топились, - так бы надо сказать. Да выдвигенцы-то были совсем другие, первопроходцы великого перелома в большинстве своём тянули сроки. А некоторые по путёвке НКВД кочегарили в аду.

Пик кампании вселения пришёлся на 1939-1940 годы. "Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года, - читаем документ эпохи, - в Челябинскую область, имеющую острый недостаток рабочей силы, признано необходимым произвести

допереселение колхозников из других малоземельных республик и областей СССР. В соответствии с этим 17 декабря 1939 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили план вселения в нашу область в текущем году 2 000 хозяйств и отпустили на их перевозку и устройство на новых местах свыше 5 миллионов рублей государственных средств.

Природные богатства (земля и недра) нашей области из-за нехватки рабочих рук до настоящего времени используются далеко не полностью. Посевные и уборочные кампании из года в год затягиваются, необходимые агромероприятия не выполняются, что влечёт за собой огромные потери хлеба для государства и обесценивает трудодень. Нуждаемость области в притоке дополнительных трудовых ресурсов огромна".¹³⁶

Стояло тёплое лето девятьсот сорокового. На уральских станциях высаживались семьи переселенцев, выдворенных из Белоруссии, Украины, Смоленщины. Их прибытие отчасти напоминало события семилетней давности. Ссылные - не ссыльные, но обычная советская безответственность обещала им долгие мытарства. Единственным пока не осознанным оправданием мук было своевременное бегство от войны. Через год на наши станции придут эшелоны эвакуации. Придёт горе большой войны, той, что полыхала над Европой.

Пока у нас было спокойно. В закрытых трибуналах войск НКВД по всему Союзу отправляли в лагеря или под вышак рядовых мясников тридцать седьмых. Обер-каратели заседали в Верховном Совете. Прилюдно Советское государство объяснялось в любви к фашистскому режиму Германии, борющемуся с коварным британским и французским капиталом. Речи Гитлера и будущих подсудимых Нюрнберга украшали полосы "Правды".

Кто хочет воевать с Германией, вещал Молотов большевистской элите, но так, чтобы услышали в Европе, пусть это делает без СССР; у нас к дружескому государству претензий нет. Ровно через год, осенью сорок первого, те же вожди унижительно будут

просить у свежих союзников 10-15 дивизий, чтобы закрыть ими ближайшие подступы к Москве.

Впереди и у деревенщины была война. Поистине Великая и Отечественная для преданного большевиками народа. Война на два фронта - против внешнего агрессора и втихую со своими карателями. Передо мной списки репрессированных в 1941-1943 годах земляков, списки, составленные нынешними работниками ФСБ. Документы не менее впечатляющие, чем реестры жертв тридцать мясных. Сейчас, не похоронив павших на фронте, собираем в фолианты их имена. Пусть далеко до душевного равновесия, но ведь оживаем! Дойдём ли до павших в тылу. Какая разница для нормального человеческого потомка - убит его родитель пулей в лоб или в затылок.

Всё одно - больно. Всё одно - память свята.

Заблудились мы...

- А я думаю так, мы самый умный и добрый в мире народ.

- Да но?

- Сукой буду! Да ты посмотри на себя, Санёк!

Природа всегда стремится к равновесию. Привычно, когда пусто и в магазинах, и в кармане. Когда все врут как один и давно знаешь, кто на тебя может наступать, а кто предпочитает с тобой выпить, если соседи тоже полгода не получают зарплату. Любое отклонение от нормы ломает до скрипа в извилинах и зубах. Пусть бы бьют, но по расписанию. Терпимо, когда изменения вызывают дискомфорт телесный, переходящий в инстинктивное желание врезать не совсем ближнему. Много хуже, если корёжится биополе идеологическое. К интеллекту подкатывает тяжелая тошнота, будто проваливаешься в воздушную яму. Даже извечный русский вопрос - "Что делать?" - кишкой букв провисает в бесконечности, ибо нет опоры ни уму твоему, ни телу.

У колодца две деревенские старухи, забывшие уже, на каком свете они живут, во весь околоток сокрушаются, попеременно прикладывая ладони к уху, что не могут понять, куда теперь мы идём - к коммунизму ли, как раньше, или капитализму. В их возрасте пора нянчить правнуков и по вечерам перед иконой выпрашивать у бога день завтрашний. Так бы по уму. Но дети и внуки в городе, а здесь огород, очередь

за пенсией да почти одногодок телевизор, в котором ежедневно стрельба и между - порнуха. А какой заре навстречу идём, ни слова.

Не волнуйтесь, бабуси! Идём мы туда, куда вы уже почти пришли. Все там будем. Верной дорогой идёте, товарищи, сказал бы вдогонку Ильич, сделав ручкой. Шумим и дерёмся походя. Дошедшему совершенно безразлично, крест ему поставят на погосте или звезду, оставшиеся выберут что дешевле. Не стоит волноваться по поводу потери коммунистических идеалов или озираться на цивилизованные страны, где и без нас хорошо. Всё у нас получится, говорят нынешние классики. Получиться должен опять шедевр. А как же? Президент в России русский, Дума красная, а правительство временное. Каждое наше правительство Временное, пока большевики на свободе и в оппозиции.

К началу сороковых эволюция земляка в большевика не закончилась. Нет, деревенская особь обрела основные, скажу умно - сущностные, характеристики колхозника. Но до совершенства ещё было далеко. При малейшем ослаблении пролетарской бдительности коммунары впадал в мечты о единоличном прошлом, наяву же норовил украсть. Больше всего дрессировка сказалась на внешних атрибутах поведения. С появлением людей в портупеях-ромбах колхозная харя теперь излучала идейную преданность, готовность проголосовать единогласно или принять встречный план.

Внутренняя конституция деревенских претерпела те понятные изменения, которые необратимы, если вынуть из человеческой натуры стержень личности. Забота о самосохранении и хлебе насущном отошла к власти. Не природа и собственные руки определяли уровень семейного благополучия, а регламентированный паёк и способность выслужиться за него. Постепенно под большевистский надзор отлетели многие другие проявления жизни. Всё - от нищенского куска до права жить - следовало принимать с благодарностью пролетарскому государству, ненавистный режим сделал себя единственным судьёй и благодетелем.

К предвоенным годам отечественный марксизм утвердился в мысли, что лучшая Советская власть - власть колхозная. На артельный режим торопливо переводились все сферы общества. Безжалостно, как кобылку, вытравили буржуазно-университетские умы из науки, особенно аграрной, засеяв залежи народным самодуром. Взамен стеклянных лабораторий повсеместно возникли алхимические хаты-лаборатории со ступами для толчения помёта и кастрюлями для продуктивных комбинаций оного. Случайные достижения прежней науки, если они не противоречили идее мировой революции, правильно переосмыслили и перебросили на баланс учёных из народа. На ближайшую историческую перспективу предметом основной научной озлобленности в области ветеринарии и агротехники стал вредитель с партбилетом.

Пролетарский учёный, понятно, должен всегда думать правильно. Поэтому соображать ему приходилось не умом, а позвоночником. Прошлой зимой, к примеру, большевики объявили сверххранний сев. И промахнулись. Громко трепаться о преимуществах такого можно было до июля месяца, когда стало ясно, что голодухи снова не миновать. Дальше научная принципиальность вредила шее. Дошлый понимал, что будущий сев назначат сверхпоздним, и можно смело о том заявить в спину арестованным учёным уклонистам. Смело, но без упрямства. И за поздний сев, наверняка, потом будут садить.

Горек трудовень колхозника академического! Разве угонишься за собачьим хвостом партийных директив. Большинство самородков, почудив год-другой, оказывались на одних нарах со взаправдешными учёными. Лишь самые сноровистые получали место в конце государственной кормухи и право впредь не рисковать на тезисах конкретных, а с миной народного мыслителя кидать из-за прясла круглые сентенции, что земле, мол, нужен хозяин, а хозяину неплохо бы изучить марксизм. Тем не менее, толпа самобытных, но преданных росла. Чтобы блюсти у кормухи порядок, со временем степени угодливости нормативно соотнесли со степенями научными.

Постепенно принципы сельхозартели утвердились за пределами материального производства: в культуре, медицине, образовании. Учебные заведения стали принимать только классово породистых, а обучение перешло на колхозный устав: хором на занятия полезные и политзанятия, строем на субботник, на уборку картошки и митинг, по одной программе гений и дебил... Обесцвечивание личности начиналось со школы. До сих пор гордимся всеобщим средним образованием, считая таковым десятилетнее пребывание каждого в школе, а себя, как мой датый собеседник в эпиграфе главы, самой образованной нацией.

Внешне наше интеллектуальное и духовное превосходство, якобы приобретённое в социализме, заметить невозможно. В учебных аудиториях сквернословие может быть тоньше, но не жиже, чем в компании пьяных чабанов. Прав был, видимо, Жак Росси, автор "Справочника по ГУЛАГу", как-то уверявший меня, что большинство советских граждан говорит на лагерном жаргоне. С объявлением демократии это особенно заметно. Странно, у многих за плечами пятнадцать лет учёбы и куча дипломов, но как только вынули из пасти грызло, мы заговорили не Лермонтовым, а матом.

Отечественная техника и искусства тоже наших достоинств не подчёркивают. Преимущества проходят по статотчётам системы образования - в пресловутом поголовье учёных и средне образованных. Конечно, приходовать поштучно Толстых или Циолковских не совсем прилично. Потому как личности уникальные. Вносить в амбарную книгу и складывать в штабеля удобно калиброванных ВАКом учёных. И хранить на случай парада. А тех, кто без того умён и зело полезен, засадить в гулаговские шарашки. Отсюда пошла есть действительная советская наука. Таким образом, легальная колхозная наука творила академиков народных, а лагерная - академиков секретных. Одни всплывали наверх, других топили в безвестности.

Если исходить из реализованных требований средней школы, мы должны быть умны, не будь школа массовой разновидностью колхозного стандарта жиз-

ни. Нам ещё предстоит подбить окончательные бабки гарнизонной системы образования, соотнести выигрыш от принудительного обучения смурных и ленивых с потерями от кастрации под усреднённые программы молодёжи талантливой и взыскующей.

Обращение граждан в колхозников, прямое или неявное, к началу сороковых мутировало личность в большевистского примата с почётным титулом простого советского человека. Отсутствие претензий к себе и жизни возвели в нравственный закон. Интерес к жизни во всех её измерениях тайно тлел в душах, но поступать надлежало просто и ответственно.

Угловато, но убеждённо скажу, что больше всего укреплению колхоза содействовала война. В Отечественную народ спас Россию, а вместе с нею большевиков, Советскую власть и колхоз. Отделить истинные патриотические поступки от идеологической чешуи тут ещё труднее. Что кричал солдат, выталкиваемый под танки, что он думал перед тем, нам никогда не узнать. Можно только догадаться, мысленно поставив себя в окоп той войны. Зато дела колхоза тылового в памяти вполне воспроизводимы.

Про очередь директив по поводу укрепления трудовой дисциплины, прошедшие в 1939-1940 годах, мы помним. С первой военной уборки колхозный режим стал предельно жестоким. Всё сельское население Урала практически попало под трудовую мобилизацию. Апрелем сорок второго дуплетом вышло два жизнеутверждающих документа. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей" у деревенских земляков украли детство и старость. Под святость подвели принудиловку для убогих и школьников. На их да вдовьи плечи скинули основную тяжесть трудового героизма в тылу.

Другой бумагой - Указом Президиума Верховного Совета СССР "Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или самовольный уход мобилизованных с работы" - святость подвели под Уголовный Кодекс. Впредь за неге-

роическое поведение старому и малому выпадало в лучшем случае полгода принудительных работ, а при осложнениях - полноценный срок. Я же говорю, что трудно отслоить святое от подлого. Как и на фронте. Бежать надо вперёд под чужие пули, авось не попадут, свой-то из загранотряда не промахнутся.

Осень сорок первого положила начало инициативе, дожившей до самой кончины отечественного социализма. Речь о мобилизации городского населения на сельхозработы. Тогда горожан директивно и до окончания хозяйственных кампаний переписывали в колхоз с выплатой заслуг трудоднями.

В колхозники попали и эвакуированные в сельские местности. Большая часть приехавших с Запада к деревенскому труду и житью была мало приспособлена, поэтому осела в городах. Эвакуировали ведь в первую очередь народ аппаратный и социально безупречный. Много было евреев, публики же деревенской и способной к тягловой работе, наоборот, в эшелонах шаром покати.

Я не привык измерять поступки аршином сугубо национальным и вижу здесь причины иные. Война заставила деревенщину Украины и Белоруссии выбирать между ненавистью к захватчику иноземному и ненавистью к большевикам. Далеко не всякий западный славянин торопился на Восток. За пять-десять лет не забудешь ни расстрелянных или сосланных родителей, ни тех, кто творил сие. Да и провалилась непобедимая и легендарная быстрее, чем мужик портянки намотал. У еврея никакого выбора не было. Гитлеровский зоантисемитизм по осмысленной необходимости делал Меира Ароновича самым красным патриотом.

В военные годы проявились лучшие черты колхоза. По причине святости момента всякие разговоры о внутренней демократии нашли вражескими. Колхоз змеей выполз из пёстрой кожи лжи. Теперь хозяйство получало боевое сталинское задание, по области развёрстывался военно-хозяйственный план. Естественно, что число репрессированных за невыполнение таких резко возросло. И не только за привычный

срыв хлебозаготовок, а и в связи с общим ужесточением колхозного режима. Передо мной списки на многие сотни осуждённых по Челябинской области в первые месяцы сорок первого. Превалирует статья 58-10. То было время печального осознания, что всё ранее газетно сказанное и с чувством спетое оказалось ложью, время национального позора. Немного списки полистаешь, зарябят статьи хозяйственно-должностные.

Помимо привычки жить героически колхозник сорок военных научился работать совершенно бесплатно. В предвоенные голодухи ввели практику реанимационного авансирования в начале уборочной из расчёта 0,5 - 1 кг на трудодень. В годы лихие распределительную самодеятельность закрыли. Трудодень полегчал до 200-300 граммов отходов и практически потерял смысл реального дохода.

Виной тому явная деградация деревенской экономики тех лет. На Урале резко сократились посевные площади, хотя весной сорок первого даже мечталось их расширением компенсировать потери оккупированных регионов, упала урожайность и почти в два раза сжалось производство зерновых. Про животноводство говорить почти нечего. Падёж и продуктивность вернулись к показателям второй советской голодухи. Смешно сказать, но в те времена возросла денежная оценка трудодня. Парадокс объяснялся просто: государству выгоднее было платить колхознику пустые деньги, чем оставлять для распределения хлеб. Да и купюр-то деревенские не видели, их мобилизационно включали в суммы очередного займа.

Деревня сороковых выжила на картошке и лебеде. Большевики, когда приспичит, легко меняют принципы на выгоды. Накануне войны прошла шумная кампания по охране общественных земель, сведённая к урезанию огородов и борьбе с тайными частными посевами. Теперь, с наступлением новой голодухи, власть неявно поощряла развитие индивидуального хозяйства, продолжая хулить его словесно. В статистике военных лет хорошо просматривается рост доли частного двора в сельскохозяйственном производстве. Про себя каждый большевик твёрдо знает, что частное

хозяйство эффективнее, но должность и идеологическое упрямство заставляют ласкать колхозника.

Под святость горьких лет большевики до хрипа затянули налоговую супонь. На вторую неделю войны кратно подбросили ставки сельхозналога, чуть позднее изобрели налог на холостяков и малосемейных, а с начала сорок второго ввели налог военный. Последний выплачивался всеми лицами, достигшими 18-летнего возраста. Налог стал заградительной нормой эксплуатации земляков на личном подворье. Средняя годовая сумма в 500-600 рублей на человека покрывалась исключительно за счёт продажи и сдачи государству продукта подсобного хозяйства. Теперь хомут принудиловки висел на шее деревенского земляка круглосуточно.

Патриотически изменились ставки натурального обложения индивидуального двора. Естественно, что они возросли и раздалась вширь. В обязательные задания стали включать всё, вплоть до основного компонента окопной жизни - махорки. Закупочные цены, составляющие десятую-пятнадцатую часть вложенных затрат, вызывали естественный ропот души. Но язык молчал. Открытое возмущение пресекалось самым беспощадным образом.

Индивидуальные поставки по большинству географических мест и товарных групп не выполнялись. Именно по причине их экономической необоснованности. Власть установила таковые со шкурным расчётом, чтобы забирать у должников всё, что имеет хоть какую-то ценность. Каждый литр молока от собственной бурёнки, скормленный своему ребёнку, по советским стандартам считался уворованным. Вдоль столбового пути тащила изнемогающая в героизме деревня.

Наиболее характерные черты колхозного строя - нищета и голод. Живописать военную голодуху у нас как-то не принято, панораму забивает ужас бойни фронтовой. Но голодомор на Урале был, если претендовать на историческую правду, придётся рыться в навозе далеко не героическом. Снова вспомнить про повсеместные эпидемии септической ангины, крупоз-

ного воспаления лёгких, тифа, дистрофии. Удивиться фактам, совершенно новым для советской действительности, повальным, к примеру, замором в колхозных детских садах или "естественным" и быстрым отходом в мир иной туземного населения Средней Азии, в срочном порядке завезённого на военные предприятия Урала.

Непререкаемая мобилизация матерей на "самоотверженный" труд во имя победы оставила детей круглыми сиротами. Малолетки войны вымирали целыми детсадами. По-человечески нормальному раскладу и душе грешно чесать языком про тыловой деревенский героизм, достаточно представить состояние вдовы, потерявшей мужа на фронте, а детей в голодном колхозном приюте. Под гибель хозяина или взрослого сына можно, отвлекаясь от преступных обстоятельств советской внешней и военной политики, подвести патриотические мотивы. Все остальное не приемлет никаких доводов и квалифицируется как геноцид.

Под звон юбилейных медалей и воспоминания благополучно выживших военных артистов, генштабистов и особистов неприлично говорить даже о фронтовиках-инвалидах, на обрубках конечностей кантовавшихся по вокзалам и улицам послевоенных лет. Меняющих серые фронтовые медали на сто граммов без закуски. Какая уж тут память о мобилизованных на заводы азиатах. Мелкие детали общего героического фона. Мы пахали, а все остальные только оводов отгоняли.

Ложь лепится на ложь, если события той войны рассматривать как трагический случай, прервавший счастливую колхозную жизнь. Именно так всё и воспринимается в народном сознании, если правду подменить модной сейчас советской кинохроникой предвоенных лет. В таком случае всякую тыловую подлость можно прямо или косвенно списать на ненавистный фашизм.

Наши родители жили в реальном социализме и не все невзгоды войны вешали на Гитлера, голодуху и нищету стали привычными ещё тогда, когда о фюрере

и слыхом не слыхивали. Героизм тыловой, свидетельствуют многочисленные дела по статье 58-10, на деревне воспринимается превратно, а именно как расплата бабьими и ребячьими хребтами за большевистский дурелом предшествующего десятилетия. Названием книги я обязан одному из подследственных умников сорок второго.

В самом деле, необходимость "героической самоотверженности", подпертой Уголовным Кодексом, заложили в тридцатом погроме коллективизации и раскулачивания. С тех пор в стране не стало ни сытого солдата, ни крепкого хозяина. Чтобы прокормить армию, теперь надо было гнать в поле баб да мальчишек и отбирать последний кусок хлеба у детей.

В деревне военных лет сформировался классический тип колхозника, способного бесплатно и безропотно ходить в ярме, не реагируя на самые острые приступы физической и душевной боли. Из малолеток сороковых выросло то поколение, которое почти до перестроечных времён тянуло жилы не под кредит лживых обещаний о светлом будущем, они родились, выросли и знали, что умирать будут в нужде, а подчиняясь жёстко сказанному "надо!"

Не было в той принудилровке ни высокого идеологического смысла, ни патриотического порыва, единственным побудительным мотивом труда оставался инстинкт самовывживания - не есть и было бы что поест. Когда героический подвиг растягивается на всю жизнь - это пытка. Поэтому с чувством глубокого похеризма поколение классических колхозников пережило всё: сталинские голодухи, хрущёвские закидоны, мелиорацию с химизацией, бригадный подряд с интенсификацией. Разводить пары собственных суждений на седьмом-восьмом десятке поздно.

Поклониться бы надо пожилым деревенским соотечественникам, это их жизни разыграли в большевистской рулетке. Пока они работали, стоял колхоз и социализм. Нет способных бесплатно работать, от колхоза опять останется утопия. Нет страха - не будет и социализма. Жаль одного: поздно мы затеяли нынешние перемены. Реформа свалилась на плечи уже

стариков и ленивых колхозников застоя. Лет бы десять-пятнадцать назад. Колхозники военного покроя вынесли бы нас к рынку за милую душу! Только дай сердитую директиву и твёрдое обещание не коммунизма, а распустить по окончании реформы всех по домам.

Восходящий график эволюции колхозника клюнул к концу Отечественной. Германский фашизм был разгромлен, и героический труженик тыла снова стал неумытой деревенщиной. Послевоенные полвека партия безуспешно пыталась совершенствовать колхоз и самого колхозника. В манерах средневековой алхимии артели вязали в узлы горизонтально-вертикальной кооперации, спаривали с совхозами, склеивали меж собой и дробили, подкармливали дотациями и ошпаривали хозрасчётом... Теория иной раз выглядела аксиоматически. Всё, кроме как в коммунизм некуда! Ан нет, из зелёного алхимического чада опять проступала рожа колхозника, осквернённая каким-либо общечеловеческим пороком. То любит на священное выпить, то неприкосновенное украсть.

Дабы избежать угрозы внутреннего разложения по причине мелкобуржуазного уклона, сразу после войны вспомнили про постановление 1939 года "О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания". Нарушалась элементарная нравственная норма - простой советский человек обязан жить на паёк или талон. Огороды и приусадебные участки, благодаря которым деревня выжила, теперь приказывалось урезать до социально безопасных тридцати соток. А заодно и проследить, чтобы частная живность не превышала поголовьем установленных норм. Нелегальная скотина подлежала немедленной национализации.

Правильное сочетание своего и советского выдилось в пролетарском землепользовании. Практически всё городское население Урала имело земельные участки, засаживаемые вторым русским хлебом. На частной картошке героически выжил не только блокадный Ленинград. Заводским полуколхозникам выделяли до пятнадцати соток земли с неременным условием -

ничего на участке не городить и скотины не заводить. Понимая, что не всякий пролетарий осилит марксизм на слух, весной участки стали перераспределять.

Голодуха военная незаметно переросла в голодуху мирную. Эту мы встретили во всеоружии богатого опыта. А именно, с укрепления режима социалистической законности. 4 июня 1947 Президиумом Верховного Совета СССР принят указ "О хищении государственного и общественного имущества", младший братишка дедушкиного указа "семь восьмых".

По закону "четыре шестых" за покусительство на священную давалось от пяти до двадцати пяти лет. После войны давать расстрел было как-то неудобно. Здоровому и явному хищенцу лепили четвертак, что сразу же деформировало его рассудок. Уповать оставалось только на мировую войну, в конце которой, независимо от исхода, светила амнистия. В применении нового указа имелось много милых уголовных частностей. Но про них в следующий раз.

Мягкий нижний предел установлен тоже с умом, в хищенцы теперь попадал преимущественно наглый фронтальной инвалид. На суде он кидался в амбиции, нехорошо звенел медалями. Власть долго соображала, что делать с ущербным людским балластом. Потом решила. Но нам говорить об этом пока не по совести.

Третью советскую голодуху отменили в сорок седьмом одновременно с денежной реформой. На "свободную" хлебную торговлю мы переходили уже в который раз, опыта родителей вполне хватало, чтобы отправлять нас в ночные очереди надёжно укутанными в лохмотья. Данный фрагмент истории сохранился в живой памяти нашего поколения. С первого по седьмой класс моей первой обязанностью было пребывание в очередях.

Венчает военное десятилетие поистине исторический поступок большевиков, определивший на последующие полвека и образ нашей жизни, и внешний вид России. Я говорю про постановление "О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих", принятом в феврале сорок де-

вятого. Директива готовилась в тайном понимании, что колхозник никогда не накормит страны. Однако не в осознании хозяйственной аксиомы кроется фундаментальное значение указанного административного факта, он в ювелирном определении размеров частного землепользования. В тех известных шести сотках, что были разрешены бумагой и забором которых мы надёжно отгородились от пропасти мелкобуржуазного интереса. На шести сотках, повторюсь, скорее заработаешь грыжу, чем захвораешь капитализмом.

Самовыживание горожан обратилось в полезное любительство, давшее замечательные исторические плоды. Во-первых, страна выжила, народная хозяйственная самостоятельность сняла с колхозов обузу производства овощей и прочей питательной мелочи. В травоядии мы теперь можем позволить себе даже некоторый изыск.

Во-вторых, мы получили жизнеспособную модель кооператива, до которой не сумели додуматься в тридцатых. Модель даже экономически агрессивную. Повсеместно города России обросли мышинными колониями садоводческих кооперативов. На десятки километров вокруг пригородные земли исчерчены в мелкую клеточку. Южно-китайские пейзажи. Задумываться о цене главного ресурса и эффективности его использования и грешно, и боязно. Сейчас участки приватизированы, значит, быть тому ещё долго-долго. В функционально простых и ветхих сооружениях, зло обзываемых фазендами, в усердии городских трудоголиков донныне просматривается только примитивное стремление выжить. Без тени культурного благоустройства или государственного здравого рассудка.

Большевики, подчеркну, поступили по-своему мудро. Дай они тогда по пятнадцать соток с правом строительства, через пятилетку бы все коммуналки опустели и социализм приказал долго жить. А на шести сотках любые попытки сотворить доходное дело обречены. Тут работает принцип хронического безденежья - дорогое, да своё! Ну и пресекались попытки заботливо. Вспомним про нормативную высоту конь-

ка крыши, длину периметра садовых домиков, толщину их стен...

В самой середине годов пятидесятых большевики, наконец-то, озадачили колхоз соответственно его историческому призванию. В пятьдесят седьмом Никита Хрущёв приказал догнать Америку по производству основных видов сельхозпродукции на душу населения. Сделать сие намечалось в ближайшую пятилетку, а через двадцать лет всем обещался коммунистический рай. Наследники назовут мечты свежего генсека волюнтаризмом. Историческому заявлению предшествовали три разношерстных обстоятельства. Два из них лежали на земле.

Пятьдесят шестой выдался крайне урожайным. Сам помню. На соломокопнителе не работа, а пытка. Комбайнеры матерились, потому что бункера забивает хлебом в момент, а отвозить не успевают. Валили на дорогу в конце гона. По всей стране поднялись бурты ломового хлеба. На только что освоенной целине с хлебом не знали куда деться, всю зиму он горел на токах, построенных на скорую руку. Срезали дёрн, иной раз прямо в поле, и ссыпали зерно под открытое небо. Дорог, а тем более элеваторов, было мало. Случайный хозяйственный успех породил у партийного руководства веру в свои магические способности. Сталинский колхозник, хорошо думалось при этом, четверть века жрал отходы да лебеду, а тут на тебе - хлебное половодье.

Второе обстоятельство тоже вроде бы ничего, но немного удручало идеологически. Четыре года назад тогдашний председатель СовМина СССР Маленков провёл свои реформы. 27 марта 1953 года, то есть сразу после смерти Сталина, объявляется широкая амнистия всем заключённым до 5 лет, под которую попали в основном уголовники. Указом от 8 сентября того же года под амнистию попали осуждённые по закону "семь восьмых".

Амнистировать колхозника, сами понимаете, не было никакой возможности. В отличие от питомцев ГУЛАГа клиенты агроГУЛАГа срока заключения не имеют. Столбовой путь был проложен классиками на

века. Даже в те времена, когда отечественная наука билась в истерике вопроса, сохранятся ли деньги при коммунизме, судьба колхоза оставалась однозначно определённой - будет всегда.

Исходя из этого постулата, амнистия деревенским носила ущемлённый, хотя и положительный смысл. Первым актом благотворительной кампании стало повышение заготовительных цен. С сожалением было отмечено, что производство всех без исключения продуктов в колхозах убыточно и отчасти виной тому ценовая политика государства. Судите сами. По восшествии на престол первого наследника Сталина хлеб у колхозников отбирался по 6 копеек за кило, а в магазине при жёстком ограничении продажи в одни руки ржаная булка стоила три рубля. Говядину у колхозов брали по 20 копеек за кило, в коммерческой продаже (свободная торговля по госценам на Урале наблюдалась редкими историческими местами) она шла по 20 рублей. За десяток яиц колхозу отваливали 20 копеек, а продавали по рублю штука.

Заготовительные цены начала пятидесятых не возмещали десятой доли материальных затрат артели. О зарплате колхознику в те времена думать было грешно. На сентябрьском пленуме ЦК теперь КПСС немного ужаснулись и "с целью создания экономически обоснованных условий, восстановления ленинского принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников" цены значительно повысили. По зерну, мясу и картошке где-то в два с лишним раза. При таких темпах восстановления "ленинских принципов" Советская власть могла заниматься благотворительностью долгие десятилетия.

Более заметным для деревни итогом реформы 1953-го было сокращение обязательных поставок с личного двора. Отменили поставки зерна, снизили нормы по мясу, молоку и картошке. Были списаны долги прежних лет. Исключили часть совершенно абсурдных условий заготовок. Третья советская гололуда постепенно сошла на нет и в колхозе, за что пожилые деревенские земляки сохранили тёплую память о Маленкове. Те же, что не держали политики в голове,

скажут, что от огорода и личного хозяйства стало в силу выжить.

Так вот, крестьянский двор начал подниматься. Но опять его медленно заносило в микробуржуазный уклон. Открытой контры деревенские не творили. Думали молча и где-то почти правильно, от вольнодумия и хозяйственной самостоятельности их отделяла уже четверть века. На работу, как на подголовную обязанность, ходили регулярно. Внешне всё было ажуре.

Классический большевистский вождь, то есть руководитель ленинского типа, всегда начинает свои благодеяния с перековки собственного народа под соображаемый им идеал. Сталинский колхозник Никите Хрущёву не нравился: работает через пень колоду, худосочен и уныл, ибо жрёт что попадая, и главное до сих пор инстинктивно тянет одеяло общественного благосостояния на себя. Колхозника надо было доисправить, обеспечив тем самым, скажу модно по шестидесятым, крутой подъём сельского хозяйства.

Люблю грозу в начале марта, сказал бы по поводу следующего события абориген Огненной Земли. У нас в марте пятьдесят шестого мягко зарокотало в небесах, и постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР объявили о введении ежемесячного денежного авансирования колхозников. Пока, правда, из денежных доходов самих артелей.

Я лично убеждён, что этой денежной подачкой колхоз впервые инфицировали невыводимым вирусом саморазрушения. Колхозник и деньги биологически несовместимы. В сталинские времена эту истину блюли исправно, наглухо запретив оплачивать текущую работу колхозника деньгами. Сталин, будучи классиком на порядок старше Хрущёва, прозорливо сообразил: зарплату беспортошных колхозников надо будет покрывать кредитами Госбанка, то есть рисковать наличностью. У вождя народов хватило тямю понять, что сто миллионов корыстно заряженных умов наверняка обманут пролетарское государство. Уходить в историю дураком никому не хочется. Не выдавать колхознику ни денег, ни паспорта! - на том нерушимо стояла сталинско-советская власть.

Хрущёвская историческая благоглупость свелась к полной стерилизации у колхозников природных частнособственнических позывов и обращению их в пролетариев. Как человек башковитый, то есть скрыто презирующий науку и искусства и опирающийся лишь на собственное мироощущение, Никита Сергеевич многое вынес из визита в США. Там он удивил не только дипломатов, но и фермеров-мордворотов, неосмотрительно вызвав их на соцсоревнование по производству хлеба и мяса. Временное превосходство американцев в этом деле он объяснил лучшим климатом и культурой кукурузы. Последнюю он по приезде приказал немедленно ввести по всему Союзу.

Совершенно случайный, казалось бы, факт имел, однако, благоприятные последствия, сравнимые с внедрением картошки на Руси. Кукурузных бунтов не последовало, национальное упрямство нашло выражение в злых анекдотах по сему предмету. Столетие картошка спасает деревенщину. Почти сорок лет колхозные и акционированные ныне коровы, жуя бражной силос, бессознательно благодарны большевику-ленинцу, ссадившему их с соломенного сталинского рациона.

Задайся тогда генсек американским опытом до потери большевистской бдительности, теперь бы фермерствовали с опытом и ели досыта лишь отечественное. Но внутренне противоречивый (по-народному - сумасбродный) Никита Сергеевич отсёк колхозников руководящей дланью от правого уклона.

Декабрём пятьдесят восьмого ЦК КПСС решил, что личное хозяйство вообще отвлекает граждан от развёрнутого строительства коммунизма, коробит нравственный облик строителя. Который раз частных коров отобрали, нет, принудительно выкупили. Чтобы никто не упрямылся, выгоны распахали под окна землянок и приказали тайно накошенный частниками корм немедленно и бесплатно вывозить на колхозно-совхозные сеносклады. Потерявшим коров в нелёгкой борьбе за коммунизм рекомендовалось покупать молоко в магазине, в свободное время читать газеты или

заняться самосовершенствованием, для чего была введена система вечернего образования.

Колхозники пошли в школу, а миллион голов частного скота, деревенского и пригородного населения, - под государственный нож. Весь пятьдесят девятый край и области круто "наращивали" производство мяса. Моему Уралу это очень удалось. Планы мясозаготовок перевыполнили почти в три раза, за что Курганская и Свердловская области были награждены орденами Ленина. Областные партийные вожди (Кирилленко и Сизов) вскоре взлетели на святые московские должности. Указы о награждении нас за выдающийся дурелом до сих пор являются предметом особой гордости и выбиты на гранитных стелах, украшающих лучшие административные здания областных центров.

Четвёртой советской голодухи на этот раз не последовало. Очереди за хлебом и постная жизнь были, но на статус вопиющего советского голода они всё-таки не тянули. Сельская молодёжь, освобождённая от последних условий выживания, побежала в города. Дряхлые деревеньки-старушки власть обозвала перспективными и бросила их на произвол судьбы.

Анализ причин и последствий хрущёвских реформ - дело не беглого разговора. Несостоявшуюся голодуху допустимо объяснять многими обстоятельствами. Мне, к примеру, любо то, что за последние пять лет правления Никиты Сергеевича односторонний оборот в торговле СССР с Канадой возрос более чем в 15 раз. Дома уже ничто не могло спасти колхоз. На выручку детищу партии пришёл международный империализм.

В развитой социализм уральский колхоз вошёл с реформой 1965 года, до сих пор вызывающей ностальгию по возможным путям выздоровления покойной Советской власти. И впрямь, многими положительными изменениями в своей жизни деревенщина обязана той поре.

Колхоз, во-первых, признали субъектом хозяйственных отношений. Именно так следует понимать повышение закупочных цен до уровня, обеспечивающего даже прибыльное производство основных куль-

тур. По зерновым, к примеру, в зональную цену по аграрному Уралу заложили более 20 % рентабельности по отношению к издержкам средних предприятий. Колхозы и совхозы, смешно представить, могли требовать за продукцию живые деньги и даже получать прибыль. Судьба, к сожалению, отпустила короткий срок пребывания коммунаров в балансовой радости.³

При самостоятельном распределении доходов из косыгинской реформы, возможно, и вышел бы более ощутимый прок. Однако все денежные ресурсы деревни остались под полным контролем государства, предпочитающего производственное накопление любым иным затратам, включая заработок колхозника. С уборочной шестьдесят шестого наш местный колхозник стал получать не только основную ставку, но и надеяться на мизерное премирование. На сей счёт государство разрешило ограниченное кредитование под зарплату, раньше колхоз получал кредит последним и только на производственные затраты.

Как бы то ни было, именно с проведением реформы в хозяйствах появились первые средства механизации на фермах: кормораздатчики, уборка навоза, электродойка. Орудия труда были сработаны варварски, с расчётом на невзыскательность колхозника. И всё же... Чтобы судить по данному поводу экономически, надо бы предварительно взглянуть на руки доярки, пропускавшей по сорок коров вручную. Я видел и знаю, что каждый стакан молока потом отдаёт жалостью.

К тому же времени отнесём первые изменения внешнего облика деревни. Меж утонувшими в завалинках хибарами и крапивными пустошами выросли первые колхозные дома. Сейчас они убоги, и живёт в них преимущественно забытая колхозная старость. Та, что по выходе на пенсию успела отхватить. А тридцать лет назад эти шлакоблочные, сборно-щитовые или "финские" двухквартирные бараки доминировали над околотком.

Не к хвосту шестидесятых льнёт память. То были ещё годы нищие, и каждый родитель, не веря в высокие слова, норовил вытолкнуть своё чадо на городской

стабильный заработок. Память ласкает времена классического застоя, десятилетие семидесятых, когда советская деревня действительно пожила.

Оправдались самые худшие предчувствия вождя народов. Колхоз из государственного раба вырос в государственного нахлебника. После тирана сто лет рождаются политики-телята, чувствительные к лести и способные только играть в политику. Но удачному превращению в паразитирующего оболтуса сельхозартель обязана исключительно творческой силе народа.

С административной стороны всё было в порядке: планы производства и заготовок, плановое финансирование и кредитование, по плану в поле и с поля... Не имея возможности красть государственные средства напрямую, колхозы вогнали все отпущенные им создателем варварство и бесхозяйственность в себестоимость. На экономические подлости советский человек оказался исключительно одарённым.

Со всесоюзной колокольной ситуация смотрелась так. За три пятилетки (1966-1971, 1971-1976, 1976-1981) объём капитальных вложений в сельское хозяйство увеличился на 70, 57 и 23 процента. А прирост сельхозпродукции составил соответственно 21, 13 и 8 процентов.⁴ В следующем десятилетии прироста не оказалось совсем. Вся советская аграрная система дышала на ладан. Когда из Москвы объявили про ускорение, у колхоза в ватной слабости расползались копыта. Нет, деревня бурно жила, но вела себя как дикорастущая особь с несовершенной генетикой, много жрала, но только в своё удовольствие.

О продовольственном дефиците тех лет скучно говорить. Колбасные электрички и поезда, чартерные мясные авиарейсы, автобусные набеги изголодавшейся провинции на столицу...

С точки зрения истории наших свершений, оскорбителен тот факт, что каждый третий кусок был импортным. Если смотреть на историю как калькуляцию деревенских страданий и бед, перспектива просматривалась лучше. "Колхоз будет до тех пор, - фундаментально сказал в тридцать третьем арестованный Тимофей Новгородов из деревни Нагорка, что в два-

дцати пяти километрах от Кургана, - пока будет на что пить и жить бездельникам. А как только всё растащат, пропьют и сгноят, разбегутся из колхоза".⁵ За такие слова Тимофею Егоровичу надо было на родине памятник бронзовый ставить, а не срок давать. Классики, к примеру, указали путь в коммуну, но и словом не обмолвились о том, как из неё выскочить.

Подъём брежневского колхоза прогнозировался так: чем больше денег, тем совершеннее общественное производство. Указанный принцип страну не накормил, зато типаж колхозника отполировал до блеска. Коммунар возомнил себя гегемоном. Без туфты в наряде и путёвке - на работу ни ногой. Экономистки первые месяцы после окончания ВУЗа целомудренно плакали от корыстных претензий местных тружеников. За падло считалось покупать бензин для собственного мотоцикла, платить за электричество, уходить с фермы без мешка колхозных комбикормов или без доски со стройдвора. О, сколько нам открытий чудных даровал зрелый деревенский социализм. Шофера сливали бензин в канаву, а для отчёта о километраже накручивали дрелью спидометр.

"Тянут пиломатериал каждую ночь", - жаловался я, как бригадир шабашников, председателю колхоза и моему другу Афанасию Найданову. Тот сначала разводил демагогию: "Не воруют, а берут своё. Пусть приходят днём, заготовят без обиды для строителей что надо, а ночью унесут. Днём не давай, это будет воровство. Какой же вы трудный. Если я не ошибаюсь, - мягко издевался Афоня, - вы успешно закончили аспирантуру МГУ, а сути общественной собственности так и не поняли".

Всякая экономия, писал когда-то бородатый классик, сводится к экономии труда. Чем меньше работаешь, тем лучше живёшь. Так эта истина звучит в колхозном исполнении. Она недалеко от истины общечеловеческой - работать для жизни, а не наоборот. Страшный товарный дефицит застоя сводил экономический смысл жизни и труда к простому алкоголизму. Деревня находилась в подвале шкалы приоритетов у советской торговли и Госснаба. Государственная ми-

лость не сказалась ни на заметном росте потребностей земляков, ни на облагораживании таковых. Слава богу, есть что выпить и чем закусить.

Не бытовое артельное воровство потрясло колхоз. Коммунар воровал всегда. В развитом социализме колхознику просто позволили быть самим собой. Не красть он не мог. Фундаментальному направлению поступков содействовало повальное казнокрадство колхозно-совхозного руководства. В самом плохоньком колхозе моей Курганской области в центральной конторе сидело по 25-30 человек, больше, чем механизаторов или животноводов. В хозяйстве числилось пять-семь персональных машин: у председателя, зама, секретаря парторганизации, главных специалистов. То было время овеществлённой мечты. Работай по способностям, кради по потребностям...

Тоскливо и сумеречно в нынешней уральской деревне. Ветер перемен, ссадивший соотечественников с общегражданского устава КПСС, здесь прошелестел только по вершинам вековой дикости, суть которой удручающе проста. Ленточку второго пришествия капитализма торжественно стригут персонажи, доминировавшие и при немеркнущем свете Октября. Куда ни шарахнись, везде они первые.

История оживает фантазмагорией, невысказанным сочетанием сталинских времён и лета семнадцатого. Внизу хозяйственная анемия, вверху всякий экономический резон тонет в политической истерии. И чем ближе к основному российскому вопросу - вопросу о земле, тем она патологичнее. Те же многолетние думские дебаты. "Крестьянские" депутаты из номенклатурных сословий зло обвиняют сторонников частного землевладения в подрыве основ российской хозяйственной самобытности. В Государственной Думе царского покроя под основами значилась община, современные социал-патриоты точно знают - это колхоз. Самые изворотливые предлагают рубить хвост патриархальщины по частям. За частную собственность на землю, но без права продажи. Пусть деревенщина из рабов социализма станет рабами земли.

"Крепкое, проникнутое идеей собственности, богатое крестьянство, - думалось в 1907 году, - служит везде лучшим оплотом порядка и спокойствия, и если бы правительству удалось проведение в жизнь своих землеустроительных мероприятий, достигнуть этой цели, то мечтам о государственном и социалистическом перевороте в России раз навсегда был положен конец..." Ветреная наша история! Несколько поколений до изнеможения прокрутилось в беличьем колесе абсурда, а земельный вопрос и поныне там. В стране, поражающей инородцев своими просторами, земельная собственность гражданина недалеко ушла от по-смертного владения двумя квадратными метрами на погосте.

Сталинские преобразования базировались на постепенном выкупе общинных или хозяйственном освоении новых земель. Труд и деньги определяли крестьянскую судьбу. Все позднейшие земельные реформы века начинались с государственного подаяния, поэтому в них было больше надежды на чудотворное возрождение деревни, чем на здравый экономический расчёт. Большевики сразу "одарили" мужика землёй всенародно и неделимо. Что вышло из того, нам уже ведомо.

Нынешние благодетели намерены оделить деревенских землёй частно и тоже навечно. История совсем забыла, что земля уже единожды подарена нам богом, что каждому акту благодеяния тут предшествует земельный грабёж. Никто же не выкупал земли у прежнего хозяина ни в семнадцатом, ни сейчас. Боюсь, как бы со щедростью нынешней не оказалась в голодных дураках на век двадцать первый. Для трезвого соображения тут не лихо бы удариться головой о косяк приватизации госимущества.

На заре экономической реформы и образованный, и умом чистый консенсусом талдычили, что стоит нам допустить частную собственность, соотечественники рванут гужи в труде, а формы собственности, как дурни на траве, побегут взапуски. Следствия реформы обескуражили. Автоматического призыва к труду у свежих собственников не обнаружилось. Сосредото-

чившись исключительно на технологии дележа, реформаторы забыли, что имеют дело с оригинальным хомотипом - колхозником, в натуре которого доминирует не трудолюбие, а трудовинность. Нас надо тянуть за волосы из нищеты и лени одновременно.

Печальные итоги приватизации общеизвестны и естественно вытекают из благоглупости, заложенной в основание всего мероприятия. Собственность экономически реализуется в доходе. Нет дохода - право собственности выветривается в пустую декларацию. Исходным моментом благоглупости стала эмиссия ваучеров. Горсть меди барской рукой бросили в толпу убогих, приказав разделить поровну. Поистине так. Отечественные кандидаты в капиталисты - перекатная советская голь, не сводящая концы с концами. Приватизационный чек ей нужен был не стартовым капиталом, а живыми деньгами.

Нетрудно же было предугадать поведение нищих и престарелых, коим до бога ближе, чем до российского процветания, да и просто желающих выпить. Не стал томиться мой соотечественник от голода и злого похмелья. Продал он ваучер. На Урале опытный земляк мог толкнуть буржуазную мечту за три бутылки водки, что равносильно другому всероссийскому эквиваленту - мешку сухарей. Многие с завершением ваучерной приватизации сдали ценную макулатуру в жульнические фонды. Так состоялся первый передел священной и неприкосновенной.

Проследуем дальше трактом реформ, обращая сугубое внимание на острые углы, из-за которых свежий советский капитализм может накрыть бесшабашного соотечественника. Второе выпаривание общественной собственности произошло в момент акционирования предприятий. Эмиссия акций под убыточное предприятие, таковых было большинство, - ход, рассчитанный не на общечеловеческую слабость, а на наше благоприобретённое экономическое невежество.

Сплошное акционирование тысяч заводов породило вал условно ценных бумаг, сравнимый с лотерейным оборотом. На фондовом рынке плотность жулья на один квадратный метр значительно больше,

чем, скажем, на простой барахолке. Нас интересует благоглупость, спрятанная в идее, поэтому мы будем исходить из невозможного, будто выпуск и размещение акций были проведены исключительно добросовестно.

И в этом случае обращение пролетария в собственника остаётся чистой утопией. Акция имеет ценность не сама по себе. Её курс, доходность и цена определяются движением реального капитала. Предприятия - покойники, возведённые в сан акционерного общества, хозяйственной прыти тоже не проявили. Зато история получила вещественное доказательство нашей уникальной национальной сметливости. Мы доказали миру, что и павшую лошадь можно разделить по блату.

Дело тут вяжется так. Часть акций досталась заводскому гегемону. Розовым сполохом пробежала по его пыльным морщинам мечта о дивидендах и сытой старости. Пробежала и рассеялась в тёмной глубине всероссийской афёры. Не о дивидендах пришлось соображать серому акционеру, а о сохранении государственного подарка. При разделе туши предприятия, то есть реформировании его структуры, самые живые места выделили в обособленные хозяйственные звенья. Делалось сие под благородной крышей демонополизации.

Выгодный для рукосуев раскрой заложен в нормативных моделях акционирования. Сказано сие не в обиду демократической власти. Пока мы избираем депутатов по политическим взглядам и внешним данным, рядовой жулик всегда будет умнее государства. На входе и выходе основной технологической цепи заводов роem повисли паразиты - посредники. Новая структура предприятий гарантирует трудовому коллективу нищету, невыплату заработной платы и вечные убытки.

Загляни в любую провинциальную дыру России и убедишься в том, что в высокодоходных паразитах пребывает недавний партийно-хозяйственный актив и повзрослевшая номенклатурная комсомолия. В мутной

воде переходного периода они демонстрируют истинную цену партийного ума, чести и совести.

Не идеологическими, а шкурными интересами посредников трудовые коллективы провоцируются на акции протеста с требованием бюджетной помощи. Криминальный осадок реформы всегда в выигрыше. Нет бюджетных средств и сокращаются объёмы производства, доходность обеспечивается демпинговой продажей основных фондов или объектов соцкультбыта. Легко сбываются ресурсы, материально обеспечивающие номинал пролетарских акций. Рыночная цена последних приближается к стоимости почётных грамот профсоюза. Кто был никем, тот стал ни с чем.

Таким образом, в капитализм мы заташили Россию по-большевистски круто. Самым выдающимся следствием реформы стала всеобщая пролетаризация. Начинали с благоденствия, а подишь ты, куда вывернуло. Предприниматели тоже развелись в микробном множестве. Провинциальные дилеры-скоробеи валяют кули с тряпьем по барахолкам всей России. Буржуев в отвратительном смысле значительно меньше, но им принадлежит большая часть капитала. Они уже безбоязненно рефлектируют серую общественность надменностью поступков.

Ответная реакция масс варьируется от радикально коммунистической - отобрать всё к чёрту до фантастической - честно заработать буржуазный уют. Мечты лоб в лоб. В центре Челябинска пожилая неряшливо одетая женщина продаёт большевистские газетки с профилем четырёх классиков марксизма. На какое-то замечание молоденьких девчонок зло и громко обещает со скорым возвращением Советской власти натянуть им женские инструменты на рогатину. Модниц сдуло. Боятся, курвы! - товарищески подмигнула мне большевичка.

Неприятно, с другой стороны, видеть, как размывается общественная совесть, как безнравственность и жульничество становятся легальной нормой. Авторитет труда производящего и творческого упал ниже замыкающего шкалу приоритетов труда инженерного. Раньше идеалы были ложными, теперь они

продажные. Особенно печальное зрелище доставляют умы и авторитеты страны, неуклюже прислуживающие казнокрадам в законе, с которыми в приличной обстановке не присели бы на одном гектаре.

Неуютно городскому колхознику в предрассветных буржуазных сумерках. Чуда опять не состоялось, на душе склизко от проглоченной злой шутки. Спросить бы про акции у брата учёного. Но потёртые его штаны не свидетельствуют о богатом финансовом опыте. Отчаиваться, однако, мы не привыкли. Да и ситуация не фатальна. Надо выбросить из головы буржуазные бредни и переходить на привычный режим рядового советского труженика. Жить от зарплаты до зарплаты, на работу не нарываться, вечерами читать дешёвую "Правду". А потомкам оставить угол в бетонном бараке, шесть соток и дачу из горбыля за городом, продавленную диван-кровать да переключающийся пассатижами подслеповатый "Рекорд", взятый в кредит ещё во времена раннего застоя.

Стерев с морды мечту, выйдем на ветерок да за околицу. Хозяйственная история российской деревни груба и безобразна. Аристократическая снисходительность классики и плебейские потуги номенклатурного соцреализма идеализировать нищету как результат национальной самобытности и уникальной бытовой невзыскательности русского мужика сформировали в сознании царствующих ныне и присно представление о деревенщине как самой выносливой части общества, интересами которой можно легко жертвовать во имя любой государственной затеи.

И на этот раз реформаторы пренебрегли историческим опытом, выводами Ильина, Прокоповича, Маслова, Чайнова, Кондратьева и других русских экономистов, что без развитого сельского хозяйства не может быть устойчивого промышленного прогресса. Переход на рыночные цены шаркнул село по боку. В условиях бешеной гонки цен деревню заставили пару лет сдавать продукцию по фиксированным госценам. Смешно сказать, но нынешние реформаторы лишь грубо скопировали сталинскую политику двух предколхозных лет.

В обоснование экономической репрессии авторы реформы ссылались на возможность гиперинфляции, которая и без того имела место быть, чему мы обязаны предприятиям по переработке и посредникам. Государство и деревня проиграла вчистую. У первого не осталось ничего кроме печатного станка. Естественным следствием хозяйственной авантюры на селе стало резкое сокращение производства. Отечественное производство сдохло, но да здравствует реформа! Двух лет агонии хватило, чтобы внешняя торговля смогла переадресоваться с импорта видеоаппаратуры на импорт жратвы.

В деревне реформа навела очередной административно-организационный шорох. Перелицевали прежние колхозы и совхозы в акционерные общества и товарищества. Морального толчка к развитию не последовало. Простым делением вывели первых фермеров. Вместо святого показателя выходного поголовья скота местное руководство доказывало свои прогрессивные устремления фермерским поголовьем. Весь комплекс мер, посильных при наличии отсутствия, был реализован оперативно.

Чёрная ненависть к чужому благополучию сменилась рабским заискиванием. Не удалось объехать Америку на красной кобыле, будем теперь обезьянничать. Шестьдесят лет нас гнали за Америкой комиссары, теперь спешим за ней по графику новых властей. У них там монетаризм? Обнищаем донага, с древнеегипетскими счётами, но сотворим такой же. Там фермеры? Срочно перекуём мешковатых колхозников в прогрессивных ковбоев. Кинем патриархальный картуз за пень и напялим стенсоновские шляпы. Может, придётся кого-то скальпировать. У них, кажись, с этого всё начиналось...

Смешно, господа. Даже в щедрости мы примитивно однообразны. Здорово, мужички! Земли вам надо, сермяжно-родимые? Берите, чай теперь она не колхозная. Получил каждый, имеющий отношение не к хлебопашеству, а к штатному расписанию. Расписав священную поровну и подушно, выдали сертификаты. И в тридцать пятом, и сейчас деревенщина рук барину

целовать не стала, а смотрела на благодетеля как-то нехорошо. События тут измеряются мужицким резонансом. Землю как условие производства у крестьянина никто не отнимал. Предоставление земли в этом качестве за благодеяние не считают. Сельские лбы морщит вопрос - зачем земля человеку, у которого ни рук, ни тям? Разве что для моментальной продажи.

Земельной спекуляции в деревне опасаются. Не потому, что жалко колхоз. Боятся всеобщей свары. Известно, что выделение наделов даже немногим фермерам сопряжено с большими конфликтами, часто принимаемыми за противодействие. Страшно представить, когда дело дойдёт до нарезания участков всем формальным собственникам. Чтобы обеспечить реальный товарооборот земли, нужно разделить землю по существу. Участки вроде бы равные, да земля-то разная. И, естественно, цена. Если идея свободной продажи будет реализована в примитивной нынешней редакции - вчера получил, а сегодня толкнул, на ладан дышащее производство сдохнет клинически. Особенно в пригородных районах.

Как накормить Россию, теоретически знают все. Ответ на жгучий вопрос дают лозунги столичных аграриев и самых решительных политиков: "Передать землю тем, кто её обрабатывает!", "Ввести частную собственность на землю с правом свободной продажи!", "Развивать вместо колхоза фермерство!". Стоит лишь убрать противников аграрного прогресса, препятствующих законодательному оформлению лозунгов, и дело покатится вперёд.

Усомнимся в этом, вспомнив, что за быстрой трансформацией митинговых резолюций в законы обычно следует не прогресс, а резиновое время, где глупость исторически нисходящая уступает место глупости восходящей. История России, заметил как-то великий сатирик, написана в суровых жизненных тонах и потому не терпит культурной европейской середины. У нас так - либо позвольте вашу ручку поцеловать, либо - в харю его, в харю!

В стремлении атомизировать деревню до единоличного двора угадывается подражательство чужому

опыту и попытки укусить хвост собственной истории. Живучесть отечественного единоличника доколхозной поры покоилась на применении большой массы живого труда и тягловой силы скота. Эффективное фермерское хозяйство чрезвычайно капиталоемкое, оно требует полного шлейфа сельхозмашин. Указанных условий у нас нет и в помине. На деревне двое пожилых да пьяный.

Решительные изменения земельного права и организации деревенской экономики, по моему мнению, опять больше рассчитаны на очередное чудо. Двадцатый век испоганен невежественным радикализмом. У нас не так много ума, ещё меньше успешного опыта, чтобы проводить реформы на век будущий с заячьей поспешностью. Более ста лет идея равенства и мечта ублажить всех сразу хроническим менингитом зудит в мозгах отечественных политиков. Если рвешься облагодетельствовать Россию, спросить бы у таковых, подумай, достоин ли ты такой чести. По уму ли вашему благие намерения?

Дарить, мне кажется, вообще ничего впредь не надо. Бедность не порок, а и простодырость не достоинство. Пай имущественный или земельный - только зарабатывать собственным трудом. Хватит монаршей милости и скороспелых, на халяву хозяев. Не дармовое же фасуем. В России приватизация - дело и экономическое, и сугубо нравственное. Делим достояние, созданное и возвращённое буквально на костях ближайших прародителей. А мы как с дуба, разбили могильные плиты великих строек в щебень, и теперь кто сколько украдёт.

По сести дать бы первый и самый эквивалентный пай престарелым "энтузиастам", дожившим до справедливого суда клиентам ГУЛАГа, агроГУЛАГа и пенсионерам. Компенсацией за бездумно отнятую жизнь. А остальным пай зарабатывать. Давать тот же пресловутый ваучер пропорционально годовой, к примеру, зарплате. Во всех сферах общественной деятельности. За амортизационный срок основных фондов промышленное имущество расписали бы за

милую душу, не корёжа технологии, не культивируя колоссального паразитизма.

Пусть это называется народным капитализмом, дело не в жаргоне. Постепенно сформировался бы рынок ценных бумаг, за которыми маячили бы не обещания безответственного политика с ветра, а реальное имущество. Но самое главное - можно было разорвать замкнутый круг нищеты. Сложилось бы то, что называется переходящим семейным капиталом, представленным не бытовой обстановкой, а ценными бумагами. Чтобы каждый вступающий в жизнь молодой гражданин не повторял пролетарской биографии советских поколений - входить в активную жизнь и выходить из неё одинаково нищим.

Живая связь поколений зиждется не только на нравственных принципах. Под ними фундамент взаимной материальной ответственности. Нищая молодость общежитий - вина родителей, не сумевших материально обеспечить детей. Большевиком когда-то отнял эту обязанность у родителей. Советская власть, мол, тебя вырастила, дала образование... Будто родители всю жизнь прозябали в лени.

Нищая старость - самый мерзкий продукт советского общества. Пенсионная система цинично рассчитана на доживание. И тут сыновняя обязанность укорочена. Дети могут помнить родственников и даже сострадать. Но по причине той же нищеты не в состоянии обеспечить достойную старость родителей. Экономическую связь поколений отечественный коммунизм раздавил. Семейный капитал мог бы постепенно вернуть к естественному ходу вещей, когда каждый входит в деятельную жизнь с материальной помощью предшествующих кровородственных поколений и, приумножая своим трудом достояние рода, сможет выполнить обязанность перед потомками. Тогда родственная память не будет мокнуть голой печалью, а освятится и любовью, и благодарностью.

Некорректные рассуждения прерываю фатальным историческим фактом. Государственное достояние почти всё разделено и на принципах иных. Чему свидетельством массовое бегство напихаватизированного

за кордон и метастазы бешеного капитализма в виде роскошных особняков "новых русских" на бледном фоне российской природы и нищеты. На дворе пахнет не народным капитализмом, а морозит октябрём семнадцатого. Удивительно, то ли бежим быстро, то ли одна нога стала короче, в коммунизме кружали семьдесят с лишком лет, а в демократии дали круг за пять.

История, говорил Николай Карамзин, мирит читателя с "несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали ещё ужаснейшие, и государство не разрушалось..."⁶

Прав был Карамзин, прав. После экскурсии в дикость прошлого дикость нынешняя воспринимается как-то мягче и спокойнее. Свобода в стриженной редакции неограниченного словоблудия, политической эпилепсии и легального казнокрадства уже обрыдла и пошла в разнос. На этом фоне деревенские события смотрятся патриархально и мелочно. Анекдотически звучащий мотив - "всё вокруг колхозное - всё вокруг моё!", реализованный практически, озадачил сельчан.

Красть своё вроде бы бессмысленно. С другой стороны, сельчане со здоровым юмором относятся к новому фасаду своей нищеты. Какой ты к чёрту акционер, если от имущественного пая нет проку, а моральное удовлетворение давно скисло в голимую досаду. Проку от пая нет, да нет и покоя. Раньше воровали сообща, весело перемигиваясь, нынче следим друг за другом. Чувство собственности просыпается медленно в широкой амплитуде инстинктивных порывов - от жадности до жалости. Вон Иван, стервец, опять поволок с МТМ какую-то железину...

Тёмная самобытность вкпе с высшей милостью, деревенщине отдали рухлядь социализма бесплатно, выразились не прогнозируемой кулацкой лютостью в труде или понятным бы желанием прирезать колхоз к собственному огороду, а совершенно неожиданным технологическим вандализмом, сельским рецидивом хронической идеи - разделить всё поровну и дотла. Вышелушенный из колхоза соотечественник ходит,

как слепая мельничная лошадь, по тому же кругу, в редких же проявлениях себя больше смахивает на социалиста-практиканта, чем на единоличника.

Всё, что плохо лежало, поддающуюся лому фурнитуру приватизировали быстро. Электромоторы, стройматериалы, иные бытовые ценности, осевшие в личных дворах, обрели настоящего хозяина и самый понятный статус частной собственности. Им уготована долгая и уютная жизнь.

Однако основные обеспечивающие индивидуальный пай сооружения - фермы, мехтока, МТМ и немного другое, что удалось слепить хозспособом в расточительные семидесятые, - зависли в бессодержательной акционерной собственности. Именно тут, на неуловимой европейской середине, идея приватизации трансформировалась в очередной хозяйственный анекдот.

В глухое межвременье, когда производство товарной продукции экономически невыгодно или просто невозможно, когда на возрождение колхоза уповает только деревенский сухостой, а основные фонды добивают ржа, гниль да шальные руки, в живые умы приходит спасительная мысль - немедленно отоварить индивидуальные пай. Разделить технологически крупное, не бездействующее имущество на равные части.

Делят давно и творчески. Начинают с простого, размечают асфальтные площади токов, полезные кубы складских помещений. Нарезают всем настоящим, бывшим и дланеводящим. Хотя квадраты получают мизерными, чувство собственности будируется завистью. В доходную ценную бумагу, как и в добрую московскую власть, замордованная деревня не поверит никогда. Всё, что касается собственности, здесь должно быть ощутимым и сразу возбуждающим как стакан самогона.

Самым ликвидным средством оказался общественный скот, который доедаем в темпах тридцатого. Кое-где под демонтаж пошли опустевшие останки животноводческих помещений. Столь же справедливо и подушно распределяются отгоревшие листы шифера,

погонные метры ржавых труб. Если и дальше в приватизации ничейного добра будет больше азарта, чем резона, деревня нырнёт в натуральную патриархальщину с романтической Савраской и соломенной ригой. А пепелище крупного механизированного производства, вслед за пепелищем двора кулацкого, удлинит историю хозяйственных катастроф России.

Не смею ругать колхозника за вынужденный вандализм. Что его самодеятельность в сравнении с варварством всероссийским? И то учесть надо, несёт-то домой. Шифером закроет денник, трубы разрежет на столбы огорода. Колхоза не жаль. Он жил, жив и будет жить в наших поступках долго. Развалили не его, а крупное производство, не предприняв никаких усилий для действительного его реформирования. После определения паёв, если приспичило делить всем, помочь бы трудоспособным акционерам выкупить пай убогих да сторонних. Хотя бы не сразу, а в рассрочку. Многим в деревне нужен не пай, а живые деньги. Остались бы и техническая база, и немного, но истинных хозяев. Нет, астрономические суммы Центробанка крутились в спекуляциях коммерческих банков, оседая в блатных льготных кредитах.

Я твёрдо убеждён, что щедрость неуместна и при распределении земли. Не потому, что делим последнее, хотя это тоже важно. Исхожу из общей нравственно-экономической нормы - право собственности должно покоиться на собственном труде. Эволюцию частно-трудовой земельной собственности прервал октябрь семнадцатого. В нынешней ситуации необходимо определиться, восстанавливаем ли мы частную собственность на землю вообще или частно-трудовую собственность.

Практика мирового хозяйства доказала, что более эффективно хозяйство, в котором предпринимательство и землевладение совпадают. Производство не связано с внешней платой за землю, называемой рентой. Хотя в калькуляции затрат она может быть включена, однако сумма таковой остаётся у предпринимателя. Видимое преимущество фермерского хозяйства даже

некоторых реформаторов ослепляет, но не даёт толчка рассудку.

Владение вне самостоятельного использования земли порождает ренту и увеличивает цену продукции. Похоже, мы прямо-таки рвёмся к тому. Хочется скорее иметь земельный рынок. Осторожных убаюкивают рассказами о том, как старушки сдают в аренду фермерам свои наделы за хлеб, дровишки и прочие необходимые вещи. Я вижу в том вывернутую наизнанку басню о двух "Волгах", полученных за ваучер.

Землю у старушки купят. Возможно, заставят продать землю и самих деревенских акционеров. Грабёж, называемый чужим словом рэкет, обязательно придёт на околицы и будет называться солидно - земельная рента. Тут не отделаешься мешком муки или пятью кубометрами дров. Ты что, чувак, смеёшься надо мной!? В натуре!

Путь в частно-трудовую собственность требует не щедрости, а терпения и ума. Понятно, что наделение землёй должно быть бесплатным и в размерах, потребных для производства. Разработать, естественно, условия перехода от землепользования к землевладению: срок, уровень эффективности хозяйства, экологические требования. При выполнении условий выдавать сертификат, открывающий право на свободную продажу участка или сдачу в аренду. В оборот поступит земля заработанная.

Чтобы не продавать Россию дарёными лоскутами у винных магазинов, на манер торговли ваучерами, неплохо бы под частное землевладение эмиссировать земельные акции и создать земельные банки.

Ценные бумаги исключили бы выдёргивание земли из хозяйственного в чисто спекулятивный оборот. Через покупку земельных акций возможно включение коммерческого капитала в сложившуюся структуру деревенской экономики. Пока это кажется смешным, действительно патриотическое начало отечественных бизнесменов исчерпывается легко сносимым киоском да арендованным офисом. Но в каждой экономике явным симптомом стабилизации является покупка национальным капиталом земли. Если думать о будущем

светло, надо сделать так, чтобы это была не простая торговая операция, а инвестирование денег в экономику села. Продавать землю как производительный капитал, а не спекулятивный товар.

Земельные банки могли бы контролировать торговые и арендные операции, выполнение условий перехода к землевладению, вести дела, связанные с ипотекой. Новый институт мог бы санировать экономику. При несоблюдении условий землевладения, к примеру, ставить вопрос о юридическом прекращении прав или осуществлять сие через продажу всего пакета земельных акций нарушителя...

Земля землём. Вдоль села тихо, часто останавливаясь для отдыха, бредёт пожилая женщина. В авоське две булки хлеба и пачка соли. Даже со спины походка выдаёт бесконечную усталость. Живое олицетворение нынешней деревни. Она не сверстница персонажам данной книги, по возрасту где-то их предвоенная дочь. Только и у неё все позади. То, что от бога: родители, любовь, дети, внуки - святит прожитое. Остальное варварски истрёпано в клочья чужой и злой волей.

Большинство вчерашних колхозников - люди пожилые. Впору думать о колонизации деревни. Тщетно надеяться, что старичье поднимет Россию на дыбы. Здоровье этих поколений утоплено в нищете и принудилке. Свой век и век России они проплутали, не найдя ни личного счастья, ни блага общественного. Образ родной доколхозной околицы стёрся в памяти до сновидений. У них осталось одно. То, что возвышает старость над материальной суетой молодости, - доброта и вера. Прошлое они великодушно простили, веруют в благоразумие потомков и искренне горды тем, что родились в прекраснейшей из стран, у которой всё-всё-всё самое лучшее где-то впереди.

Александр Базаров

*Лесники
1986-1997г.г.*

Источники информации

Принятые сокращения

- ГААОСО - Государственный архив административных органов Свердловской области.
 ГАКО - Государственный архив Курганской области.
 ГАОПДКО - Государственный архив общественно-политической документации Курганской области.
 ГАСО - Государственный архив Свердловской области.
 ГАТО - Государственный архив Тюменской области.
 ГАЧО - Государственный архив Челябинской области.
 ТОЦДНИ - Тюменский областной центр документации по новейшей истории.
 ЦДНИ ЧО - Центр документации по новейшей истории Челябинской области.
 ЦДОО СО - Центр документации общественный организаций Свердловской области.
 Названия других архивных учреждений даны полностью.

Глава шестая. Ребятче мясо

1. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1014. Л. 32.
2. Там же. Л. 58.
3. Там же. Л. 46.
4. Там же. Л. 37.
5. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 4. Л. 150.
6. ЦДОО СО. Ф. 4. Он. 8. Д. 101. Л. 72.
7. Там же. Л. 76.
8. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2955. Л. 21.

9. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2955. Л. 36.
10. Там же. Л. 270. ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4710. Л. 177.
11. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2955.
12. Там же. Л. 29.
13. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3616. Л. 2.
14. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2955. Л. 63.
15. ЦДНИ ЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 626. Л. 103.
16. ЦДНИ ЧО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 468. Л. 130.
17. ЦДНИ ЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 626. Л. 152.
18. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 187. Л. 109.
19. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 188. Л. 15. Данный циркуляр можно принять за эталон услужливости и расторопности советских правозащитных органов. Лицензии на массовые репрессии выдавались обычно через день-два после выхода обозлённой партийной директивы.
20. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 183.
21. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 55.
22. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 182. Л. 8.
23. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3940. Л. 10.
24. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 187. Л. 21.
25. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 188. Л. 4.
26. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 6.
27. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. д. 22. Л. 342.
28. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 183; ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 225. Л. 84.
29. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
30. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 65. Л. 6.
31. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 183. Л. 43.
32. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 182. Л. 2.
33. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 245. Л. 20.
34. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 576. Л. 17.
35. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 42. Л. 153.
36. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 266.
37. ЦДНИ ЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 626. Л. 82.
38. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 144. Л. 20.
39. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2818. Л. 19, 83.
40. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 183. Л. 39.
41. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 86.
42. Там же. Л. 68; ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 36. Л. 392.
43. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 37.
44. Там же. Л. 73.

45. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10581. Т. 2. Л. 89-125.
46. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 97.
47. Там же.
48. Там же. Л. 50.
49. Там же. Л. 92.
50. Там же. Л. 81.
51. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 224-254.
52. Там же.
53. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 174. Л. 25.
54. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 3-4.
55. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 49.
56. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 78.
57. Лоскутное одеяло из сообщений, взятых из "Отчёта о медико-санитарном обслуживании спецпереселенцев в Уральской области". Полный текст документа, как и некоторых цитируемых в данной книге, читатель найдёт в сборнике "Раскулаченные спецпереселенцы на Урале", которая издана в 1993 году Институтом истории и археологии УРО РАН. Спасибо землякам!
58. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 165. Л. 154-158.
59. Там же.
60. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. л. 53.
61. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 42-43.
62. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 73.
63. Там же.
64. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 94-96.
65. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 53.
66. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 58.
67. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 82.
68. Работа, снятая по материалам одноимённой главы, свидетельствам Чернова П.А., Носковой Н.К., Кочкина Н.А., на региональном фестивале телепрограмм "Белые пятна истории Сибири" признана фильмом зрительских симпатий, а авторы премированы плюшевой мартышкой. Премия и сейчас передо мной. Будучи продуктом китайского производства, хорошо держит лицо. Лишь изредка физиономии смышлёного примата кривит понятное ехидство.
69. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 110.
70. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 187. Л. 75.
71. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. д. 198. л. 106.

72. Там же. Л. 130.
73. ЦДНИ ЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 626. Л. 412.
74. ЦДОО СО. Ф. 4. оп. 15. Д. 112.
75. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 133.
76. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 181. Л. 149.
77. ЦДОО СО. Ф. 4. оп. 11. Д. 198. Л. 122.
78. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 186. Л. 83.
79. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 124.
80. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 954.
81. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 178.
82. ЦДОО СЛ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 41.
83. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. д. 151. Л. 4, 7, и далее.
84. ГАОПДКО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 302. Л. 20-24.
85. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. д. 4. Л. 2.
86. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 328.
87. Там же. Стр. 325.
88. Там же. Стр. 328-329.
89. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 793. Л. 41.
90. Там же. Л. 4.
91. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 170. Л. 39.
92. ГАЧО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 87.
93. ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4713.
94. ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4725. Л. 23.
95. ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4722. Л. 153.
96. ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4710. Л. 75-85.
97. ГАКО. Ф. 775. Оп. 1. Д. 356. Л. 386, 408.
98. Обычная советская и постсоветская правовая норма. Тебя по ошибке ограбили и избili. Реабилитация, в данном случае возвращение гражданских прав, ограничивается признанием ошибки, но никак не возвращением имущества и наказанием виновных.
99. ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4711. Л. 176.
100. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 221.
101. Там же. Л. 224.
102. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 65. Л. 443.
103. ТОЦДНИ. Ф. 700. оп. 3. Д. 3. Л. 4.
104. ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 15. д. 230. Л. 442.
105. История советского рабочего класса. М. "Наука". 1984. Т. 2. Стр. 242.
106. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. д. 207. Л. 49.

107. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 241. Л. 112.
108. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 206. Л. 61.
109. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 207. Л. 227.
110. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 230. Л. 44.
111. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
112. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 207. Л. 183.
113. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. д. 222. Л. 240, 318.
114. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 203. Л. 78.
115. История советского крестьянства. М. "Наука". 1986. Т. 2. Стр. 381.
116. ЦДНИ ЧО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.
117. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 793. Л. 28.
118. Там же. Л. 37.
119. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 100. л. 24.
120. Там же.
121. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. д. 99. Л. 20-25.
122. Там же.
123. История советского крестьянства. М. "Наука". 1986. Т. 2. Стр. 388.
124. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. д. 663. Л. 15.
125. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 481. Л. 7.

Глава седьмая. Марш энтузиастов

1. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. д. 270. Л. 27.
2. Там же.
3. История советского рабочего класса. М. "Наука", 1984. Т. 2. Стр. 7.
4. Яков Михайлович тоже Уралу близкая родня. Самая развитая область региона остаётся Свердловской. В оскорбление Демидовым, Строгановым, Бажову и подавляющему меньшинству большинства земляков.
5. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 189.
6. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2941. Л. 22, 107 и др.
7. Там же. Л. 53.
8. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2942. Л. 543.
9. Там же. Л. 188.
10. Там же. Л. 532.
11. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 182. Л. 7.
12. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 183. Л. 30.
13. ГАКО. Ф. 775. Оп. 1. д. 356. Л. 45.

14. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2941. Л. 315.
15. ГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4481. Л. 1.
16. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2942. Л. 75.
17. ГПСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3941. Л. 313.
18. Там же.
19. ГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4481. Л. 35.
20. Там же. Л. 9.
21. Там же. Л. 29.
22. Там же. Л. 58.
23. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 196. Л. 94-100.
24. Понятно, что план был в высшей степени прикидочный и составлен накануне высылки. Сравнение его с реальной дислокацией спецпереселенцев через год, в мае 1931-го (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 51-53) даёт примерно такой же эффект, как сопоставление контрольных цифр и итогов всех советских пятилеток.
25. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 224-230.
26. Там же.
27. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 63. Л. 62.
28. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 27.
29. Там же. Л. 20.
30. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 47.
31. Там же.
32. Там же. Л. 183.
33. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 170.
34. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 202.
35. Там же.
36. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 64, 170, 179.
37. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 189.
38. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 185-186.
39. Там же.
40. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 183; ГАСО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 1241. Л. 3.
41. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 231.
42. Данные по зарплате и выработке взяты из отчёта ОСП ППОГПУ - ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 165.
43. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1а. Д. 63.
44. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 47.
45. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 94. л. 7.
46. ГАСО. Ф. Р-322. Оп. 1. д. 1241. Л. 9.
47. Это бланк, то есть типовой договор.

48. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 34-45.
49. Там же.
50. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 94. Л. 2.
51. Там же. Л. 8.
52. ГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1244. Л. 8.
53. Там же.
54. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 14.
55. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 114. Л. 120.
56. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 181. Л. 149.
57. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.
58. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 90.
59. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 189. Л. 12, 17.
60. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 181.
61. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 1. Л. 115.
62. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 21.
63. Там же. Л. 16.
64. Там же. Л. 9.
65. Там же. Л. 1.
66. Там же. Л. 3.
67. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 4. л. 2.
68. ЦДНИ ЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 62 б. Л. 83.
69. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 19.
70. ГАЧО. Ф. 276. Оп. 1. д. 84. Л. 2.
71. ГАКО. Ф. Р-775. Оп. 1. Д. 376. Л. 26.
72. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 170. л. 44.
73. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 712. Л. 78.
74. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 15. Л. 49.
75. Если сказать честно, автор уже соскучился по таковым. Нынешнее духовное порнотравие выворачивает душу наизнанку. Соцреализм без узды - совсем никчёмная вещь.
76. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3806в.
77. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 57. Л. 115.
78. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 151. л. 108; ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 481. Л. 114.
79. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 44. Л. 44.
80. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 118. Л. 20.
81. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 62а.
82. ЦДНИ ЧО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 472. Л. 49.
83. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 481. Л. 132, 167; ф. 4, оп 12. Д. 266. Л. 14.
84. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 525.

85. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 16.
86. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 712. Л. 45.
87. Там же. Л. 45, 60.
88. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.
89. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 481. Л. 112.
90. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. д. 712.
91. ГАЧО. Ф. Р-148-91, оп. 1. Д. 30. Л. 30.
92. ГАКО. Ф. 805, оп. 1. Д. 15. Л. 135.
93. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 478. Л. 56.
94. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 162. Л. 9.
95. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 375. Л. 7.
96. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 282. Л. 93.
97. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 119. Л. 119.
98. Такое предупреждение печаталось на типовых бланках исходящих писем и должно быть поставлено в актив советского права. Заслуга местной печати состояла в предварительной квалификации деяний, изложенных в заметке. Каким образом? Примерно так. "В спецотдел Челябинской областной прокуратуры. Редакция газеты "Челябинский рабочий" направляет вам заметку селькора о действиях правления колхоза "Коминтерн" с признаками на статью 58-ю УК".
99. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
100. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 381. Л. 170.
101. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3800. л. 10.
102. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 222.
103. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3489. Л. 14.
104. Там же. Л. 169.
105. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3800. Л. 10.
106. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 576. Л. 49.
107. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 4041. Л. 37.
108. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 478. Л. 59.
109. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 576. Л. 137
110. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. д. 576. Л. 17, 53.
111. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 235. Л. 22.
112. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 576. Л. 137; Оп. 12. Д. 8.
113. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 725.
114. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 119. Л. 39.
115. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 135. Л. 85.
116. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 212. Л. 172.
117. ГАЧО. Ф. р-276. Оп. 1. Д. 87. Л. 15.

118. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 65. Л. 559.
119. Данные взяты по Курганскому РК ВКП(б). ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 108.
120. ЦДНИ ЧО. Ф. 228. Оп. 2. Д. 1. Л. 23.
121. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 23. Л. 123.
122. ГАСО. Ф. 854. Оп. 1. Д. 116.
123. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 23. Л. 109.
124. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 21. Л. 46.
125. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 118.
126. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 336.
127. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 19.
128. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 115. Л. 54.
129. Газета "Челябинский рабочий". 1931. 27 августа. Должен сказать, что попытки переименовать крупные населённые пункты Урала предпринимались неоднократно. Трудно назвать город, большевистские аборигены которого не претендовали бы на освежение ландшафта. Раз бога нет, зачем, к примеру, Златоуст или Богословск? Кампании по переименованию оживлялись каждый раз к юбилеям революции и вождей или по поводу ареста прежних кумиров.
130. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3051. Л. 10.
131. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 23. Л. 195.

Глава восьмая: Чертогон

1. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 20.
2. Там же. Л. 22.
3. ЦДОО СО. Ф. 4. оп. 8. Д. 101. Л. 195.
4. ЦДОО СО. Ф. 4, оа. 9. д. 954. Л. 146.
5. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 217. Л. 192.
6. ГАКО. Ф. р-775. Оп. 1. д. 376. Л. 73.
7. Когда приговор отсылает вверх статьи 58-ой, к малым её дробям, это всегда плохо кончается. Там объявление врагом народа, конфискация имущества и расстрел.
8. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 92.
9. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 85-125.
10. ГАСО. Ф. Р-148-91. Оп. 1. д. 30. Л. 30.
11. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 222. Л. 98.
12. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. д. 22. Л. 170.
13. ЦДНИ ЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 626.
14. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 169. Л. 166.

15. ГАЧО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 37. Л. 83-92.
16. Там же.
17. ЦДОО СО. Ф. 4. оп. 11. д. 186.
18. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 162. Л. 69-70.
19. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 119. Л. 26.
20. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. д. 89. Л. 37.
21. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 114. Л. 75.
22. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. д. 375. Л. 7.
23. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14283. Л. 365.
24. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 12. Л. 42.
25. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 186. Л. 61.
26. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 267. Л. 15.
27. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 151. Л. 101.
28. Там же. Л. 20.
29. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 391. Л. 60-70.
30. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 521. Л. 14.
31. ТОЦДНИ. Ф. 23. Оп. 1. д. 170. Л. 5-117.
32. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 88. Л. 11.
33. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 187. Л. 91.
34. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 664. Л. 37.
35. КПСС в резолюциях.... Т. 5. Стр. 89.
36. ЦДОО СО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 774.
37. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 251. Л. 12.
38. ЦДНИ ЧО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 7. Л. 140-150.
39. ГАОПДКО. Ф. 67. оп. 42. Д. 10. Л. 64.
40. Там же. Л. 163.
41. ЦДНИ ЧО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 7. л. 140.
42. ГАОПДКО. Ф. 67. Оп. 42. Д. 10.
43. ЦДНИ ЧО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-6.
44. ЦДОО СО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 509. Л. 37.
45. ЦДОО СО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 510. Л. 22-73.
46. Там же.
47. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 187. Л. 65.
48. Там же.
49. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. д. 2. Л. 50.
50. Там же. Л. 95.
51. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. д. 127. Л. 17 и далее.
52. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. оп. 1. Д. 156. Л. 57.
53. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 114. Л. 101.
54. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. л. 13.
55. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 114. л. 107.

56. Там же.
57. Там же.
58. Газета "Челябинский рабочий". 1934. 20 октября.
59. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 5. л. 1.
60. Газета "Челябинский рабочий". 1934. 26 августа.
61. Про существование этой секретной антиконституционной штуки, применявшейся до 1956 года, обвиняемый уз-навал в конце смертного приговора. Остальную большеви-стская общественность с нею познакомил Н.Хрущёв на 20-м съезде партии.
62. По мнению автора, вынесенному из работы с архивны-ми материалами, статья 58-10 являлась самой ходовой, тем уровнем уголовной глади, над которой возвышались дела вредителей и врагов народа.
63. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 172. Л. 123.
64. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 164.
65. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 45.
66. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 34.
67. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. л. 144.
68. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 242. Л. 13.
69. Там же. Л. 94.
70. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. д. 172. Л. 68.
71. Там же. Л. 65.
72. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 234. Л. 164.
73. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 145. Л. 24, 42.
74. Там же.
75. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. д. 114. Л. 53.
76. Там же. л. 57.
77. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 145. Л. 77.
78. Там же. Л. 68.
79. ЦДОО СО ф. 4. Оп. 13. Д. 144. Л. 29, 104.
80. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 114. Л. 98.
81. ГАОПДКО. Ф. 99. Оп. 2. Д. 115. Л. 6, 8, 29.
82. Архив УФСБ по ЧО. Д. 404741.
83. ЦДОО СО. Ф. 4. оп. 10. Д. 239. Л. 75.
84. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 218. Л. 1.
85. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. оп. 1. д. 156. Л. 117.

Глава девятая: В преисподней коммунизма

5. Газета "Уральский рабочий". 1937. 28 января.

6. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 224. Л. 47.
7. Газета "Уральский рабочий". 1937. 29 января.
8. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 172. Л. 2.
9. Газета "Уральский рабочий". 1937. 29 января.
10. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 172. Л. 4.
11. ЦДНИ ЧО. Ф. 228. Оп. 2. Д. 90. Л. 50.
12. Само собой разумеется, такая вещь прошла по всем газетам Союза.
13. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 114.
14. Газета "Челябинский рабочий". 1937. 8 февраля.
15. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 4. Л. 106.
16. Там же. Т. 4. Л. 208-214.
17. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 126-135.
18. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19268. Т. 2. Л. 1.
19. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 3. Л. 24.
20. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 114. л. 83.
21. ГАОПДКО. Ф. 67. Оп. 9. Д. 41. Л. 15.
22. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 92-93.
23. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 15. Л. 87.
24. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 34. Л. 35.
25. Там же.
26. Кабаков, судя по стенограммам совещаний, был косноязычен. Обычная и простительная аномалия для большевика сталинского типа. Привычна и манера критиковать генсека в гробу.
27. Материалы Свердловской областной партийной конференции. 14-19 июня 1937 года.
28. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 1. Л. 25.
29. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. л. 89-125.
30. Там же.
31. Там же. Т. 2. Л. 19-30.
32. Там же. Т. 2. Л. 84.
33. Там же. Т. 2. Л. 270.
34. Там же. Т. 3. л. 81-86.
35. Там же. Т. 2. Л. 19-30.
36. Там же. Т. 2. Л. 126-135.
37. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34014.
38. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23657. Л. 21-29.
39. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 125-135.
40. Там же. Т. 1. Л. 156.
41. Там же. Т. 1. Л. 162.

42. Там же. Т. 4. Л. 24.
43. Газета "Челябинский рабочий". 1937. 27 октября.
44. Реабилитирован, как и все региональные вожди. Сообщение о том есть в "Отчёте о работе КПК при ЦК КПСС за период с 20-го по 22-й съезд КПСС".
45. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 41.
46. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19268. Т. 2. Л. 33.
47. Вполне обычная технология. Вслед за арестом, через день-два, протокол закрытого партийного собрания констатировал мгновенное прозрение всего трудового коллектива. Партийные товарищи с лёгкостью необыкновенной предавали друг друга.
48. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 357. Л. 36.
49. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Л. 118. Л. 102.
50. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19268. Т. 2. Л. 33.
51. Там же. Т.
52. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 169. Л. 184.
53. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19268. Т. 2. Л. 89-90.
54. Там же. Т. 3. Л. 1-12.
55. Там же.
56. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 85.
57. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 159. Л. 12.
58. Там же. Л. 31.
59. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 521. Л. 16.
60. Газета "Челябинский рабочий". 1937. 14 декабря.
61. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 119. Л. 23.
62. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 335. Л. 11
63. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 3. Л. 72.
64. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 107. Л. 22.
65. Газета "Уральский рабочий". 1937. октябрь.
66. Газета "Челябинский рабочий". 1937. 18 октября.
67. Газета "Челябинский рабочий". 1937. 5 октября.
68. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 521. Л. 9.
69. Газета "Уральский рабочий". 1937. 18 сентября.
70. Архив УФСБ по ЧО. Следств. дело 266867.
71. Там же.
72. Шпионаж крупное дело украшал, а явно липовое - спасал. Поэтому следствие искало хотя бы косвенные выходы на какого-нибудь иностранца. По делам руководящих работников сие не представляло особой проблемы, на Урале работали сотни иностранных специалистов. Знакомство с

любым из таковых сразу принималось фактом шпионажа, и даже в том случае, когда к иноспецу никаких претензий не выдвигалось.

73. Архив УФСБ по ЧО. Следств. дело 266867.
74. Там же. Л. 56 и далее.
75. Там же.
76. Архив УФСБ по ЧО. Следств. дело 404771.
77. Там же.
78. Там же.
79. Архив УФСБ по ЧО. Следств. дело 405291.
80. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 101 -117.
81. Там же.
82. Архив УФСБ по ЧО. Следств. дело 266867.
83. Там же.
84. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 525. Л. 142.
85. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 46 и далее.
86. Там же.
87. Там же. Л. 187.
88. Там же. Л. 46 и далее.
89. Этот документ приведён затем, чтобы не возникало никаких сомнений относительно главного преступника в советской истории России. Каратели НКВД всегда оставались только подсобниками. Тот же Дмитриев, пытая руководителей прежних, лакейски ёрзал на стуле перед новыми назначенцами ЦК ВКП(б).
90. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 85.
91. Хайек Ф. Дорога к рабству. М. 1992. Стр. 107.
92. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 85 и далее.
93. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 138. Л. 1.
94. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 85 и далее.
95. Там же. Л. 72 и далее.
96. Там же.
97. В "каменных колунах" ходили только крупные номенклатурные особи. Применение таковых носило ограниченный характер, лишь при обработке аппаратных кадров, в среде которых "колуны" имели авторитет. Для необлизанного властью мужика партийные товарищи оставались начальствующей стервой.
98. Сообщения о награждении славных советских чекистов прошли во всех газетах Союза.
99. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 92-93.

100. Там же. Л. 92-117.
101. Очерки по истории Тюменской области. Тюмень.1994. Стр. 181.
102. Политические процессы 30-50-х годов. М. 1991. стр. 81.
103. Цит. по журн. "Карта". 1994. № 1. Стр. 3-4.
104. "1937-й на Урале". Свердловск. 1990. Стр. 163.
105. Там же.
106. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 101. Л. 20.
107. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 90. Л. 44.
108. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 99. Л. 103.
109. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 336. Л. 103.
110. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 98. Л. 23.
111. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 100. Л. 156.
112. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 336. Л. 158.
113. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 100. Л. 26.
114. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 99. Л. 27.
115. Советский донос, повторюсь, многообразен, как сама жизнь. Целина для многих направлений общественных исследований. Заметный рефрен в цитировании обусловлен личными симпатиями автора к сфере науки, образования и классической музыки.
116. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 112. Л. 79.
117. ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 213. Л. 44.
118. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 99. Л. 108.
119. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 119. Л. 137.
120. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19268. Т. 3.
121. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 218. Л. 101.
122. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 119. Л. 190.
123. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 107. Л. 163.
124. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 98. Л. 106-107.
125. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 119. Л. 148.
126. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 3.
127. Там же. Л. 97.
128. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 4.
129. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 238. Л. 42.
130. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 169. Л. 160.
131. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 102. Л. 61.
132. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 524. Л. 9.
133. ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 467. Л. 77.

134. Данное постановление в первую очередь охраняло земли от частного использования. Варварство колхозно-совхозное осталось нетронутым.

135. ЦДНИ ЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 312. Л. 62.

136. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 246. Л. 68.

Глава десятая: Заблудились мы...

1. "КПСС в резолюциях..." Т. Стр. 387-389.
2. Ордена можно было дать всем, более 20 млн. голов личного скота принудительно обобществили или пустили на мясокомбинаты ради очередной большевистской мечты.
3. На Урале уже к началу 70-х наступило полное затмение хозрасчёта. Растущая себестоимость перекрыла закупочные цены. Ничуть не помогло многократное их повышение.
4. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М. Финансы. 1987. Стр. 252, 275.
5. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 23. Л. 14.
6. Н. Карамзин. Предания веков. М. 1987. Стр. 31.

Список сокращений

- Адмотдел - одна из структур местной власти
 Адмссылка - ссылка во внесудебном порядке
 АСЭ - антисоветский элемент
 Верхсуд - Верховный Суд Союза ССР
 ВишЛАГ - уральский филиал Соловков, 4 отделение СЛОН
 ВК ВС СССР - Военная Коллегия Верховсуда Союза ССР
 ВПШ - Высшая партийная школа
 ГПУ - Главное политическое управление
 ГУГБ - главное управление госбезопасности
 ГУЛАГ - главное управление лагерями
 ГУ РКМ - Главное Управление Рабоче-Крестьянской милиции
 ДТО - дорожно-транспортный отдел
 ЗРК - закрытый рабочий кооператив
 Интегралсоюз - система кооперации на Севере
 Исправдом - местная тюрьма временного содержания
 КК РКИ - Контрольная комиссия Рабоче-Крестьянской Инспекции
 Комзаг - комитет по заготовкам при СНК СССР
 Комсод - комиссия или комитет содействия чему-то
 КПЗ - камера предварительного заключения

МОПР - Международная организация Помощи борцам Революции
 ЛПХ - лесопромышленное хозяйство
 Наркомздрав - Народный комиссариат здравоохранения
 Наркомпрод - Народный комиссариат по продовольствию
 Наркомюст, НКЮ - Народный комиссариат юстиции
 НКЗ - Наркомат земледелия
 Облзу - областное земельное управление
 ОКО - областной комендантский отдел
 ОО ПП - оперативный отдел представительства ОГПУ
 ОСО - особое совещание
 ОСП ПП ОГПУ - отдел спецссылки представительства ОГПУ
 ПП ОГПУ - Полномочное Представительство Объединённого Государственного Политического Управления
 Райзо - районный земельный отдел
 РИК - райисполком
 РУП - районное управление
 СНК СССР - Совенг Народных Комиссаров Союза ССР
 УИТЛ - управление исправительно-трудовыми лагерями
 УНКВД - областное управление НКВД
 Уралсовет - формально главный орган Советской власти в регионе
 Уралтруд - отдел Уралсовета, разрабатывающий трудовомобилизационные мероприятия
 ФЗО - система фабрично-заводского обучения
 ЦИК - Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР

Оглавление

<i>Глава шестая. Ребьячье мясо.....</i>	<i>5</i>
<i>Глава седьмая. Марш энтузиастов.....</i>	<i>113</i>
<i>Глава восьмая. Чертогон.....</i>	<i>241</i>
<i>Глава девятая. В преисподней коммунизма.....</i>	<i>331</i>
<i>Глава десятая. Заблудились мы.....</i>	<i>457</i>
<i>Источники информации.....</i>	<i>493</i>
<i>Список сокращений.....</i>	<i>509</i>

6000

Александр БАЗАРОВ

**ДУРЕЛОМ,
или
ГОСПОДА
КОЛХОЗНИКИ**

КНИГА ВТОРАЯ

**Набор и компьютерная верстка – А. Базаров
Корректор Т. Мельникова**

**Формат 84x108 1/32. Объем 26,88 усл. печ. л.
Тираж 5000. Заказ 4088.**

**Отпечатано с диапозитивов заказчика в государственном
издательско-полиграфическом предприятии "Зауралье"
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106**